Завтра

ОКТЯБРЬ, 2002 г. • № 40 (463) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

Газета Государства Российского

РУССКИХ ПЕРЕПИШУТ И ПЕРЕПАШУТ

Кремлёвские мужи, радетельные мудрецы, промыслительные книжники, благостные первосвященники, прилежные пастыри задумали содеять перепись, дабы узнать, велико ли стадо, ими пасомое. Каково его поголовье. Достаёт ли тучности тельцам и овцам. Не извелась ли порода. В избытке ли корма. И какой со стада прибыток: сколько молока от сосцов, сколько окороков и питательных туш, сколько требухи и ливера для колбас, сколько рогов и костей для гребешков и банного мыла. И хватит ли шкур, в коих обнаружилась великая нужда, — на военные барабаны для Сергея Иванова, на милицейские сапоги для Грызлова, на корсет для Матвиенко, на обивку кресла для острых ягодиц Починка, на переплёт дарственной книги "История Государства Российского", которую пожалуют Президенту Путину в светлый день его юбилея.

Снарядились писцы. На головах колпаки с бубенцами. В руках пергаменты. За ушами гусиные перья. У пояса чернильницы. Растеклись по всем дорогам. Стучат колотушкой у каждой двери. Суют нос в каждую скважину. Заглядывают зорким глазком в каждую миску и крынку.

В писцах великая радость. Повсюду прирост, умножение. Вдов расплодилось втрое. Сирот впятеро. Беспризорных тьма тьмущая. Бездомных не счесть. Погорельцев не переписать. Утопленников не обобрать. Площади под погосты утроились. Золотые цепи на бандитских выях утяжелились вшестеро. Бриллиантов на любовницах олигархов стало бес-

разовании" поможет размножить безграмотных. "Трудовой кодекс" обеспечит работу трём миллионам китайцев. Закон "Об экстремизме" расселит в московских квартирах три миллиона бакинцев.

И уж после, когда учтут, не забыв ни единой, все народные нужды, в самом конце, неохотно и морщась, станут утолять нуждишки олигархов. Тому — нефтяную трубу из Сибири в Америку. Тому — ещё одну кимберлитовую трубку с алмазами. Тому, вслед за Чукоткой, — Камчатку. Одному — тайгу с медведями. Другому — чернозёмы с крестьянами. Третьему — Байкал с омулями.

Не забудут здоровяка Ельцина, которому колют сыворотку из эмбрионов русских младенцев, абортированных на шестом месяце. Не забудут Жванецкого, чей "джип" после возвращения из угона стал работать на чесночном растворе. Не забудут Сванидзе, чей язык, стёртый от бесконечных лизаний, нуждается в насадке из нержавеющей стали.

Кремлёвские пастыри изучат перепись, подобьют на деревянных счётах количество тягла, мясных и дойных пород и, увидев, что поголовье упало и стадо ополовинилось, обратятся к учёным. К селекционерам, генетикам, чтобы те вывели двухголовую скотину, наподобие путинского орла, и тогда, при том же числе копытных, поголовье увеличится вдвое. Законопроект об этом будет немедленно передан в Думу, где "центристы", заботясь об удвоении своих фракций, тут же примут закон. Однако Явлинский, стоя перед зеркалом,

Рис. Геннадия ЖИВОТОВА

С БЕРЕЗОВСКИМ, В ЛОНДОНЕ...

Бориса БЕРЕЗОВСКОГО по праву считают самой загадочной фигурой в период ельцинского правления. Говорят о его несметных богатствах. О неограниченном влиянии на политику. О "сотворении" им Путина. О его причастности к гексогенным взрывам в Москве. О скором возвращении в Россию из изгнания. Газета "Завтра", как никто, способствовала демонизации Березовского. Тем значительней оказалась встреча в предместьях Лондона главного редактора "Завтра" Александра ПРОХАНОВА с опальным олигархом.

Александр ПРОХАНОВ. Борис Абрамович, наш разговор протекает на веранде дворца, среди зеленых лугов и дубрав, на территории английского острова, которую вы купили. Задаю себе вопрос: кто вы сейчас? Меншиков в Березове? Наполеон на Корсике? Троцкий в Мехико? Кем вы себя чувствуете в изгнании?

Борис БЕРЕЗОВСКИЙ. Мне кажется, в этом вопросе есть несколько подтекстов. Поясню, как я понимаю ваш вопрос. Никем, кроме как самим собой, никогда себя в жизни не ощущал. Не было никогда стремления "делать жизнь" с кого-то, как говорил классик. Считаю, что каждый человек уникален. Господь постарался, чтобы все мы были абсолютно различными. Смысл, который Господь вложил в эту идею, состоит в том, что мы имеем право на ошибку. Мы можем ошибаться, а другие должны распознать эту ошибку и больше этим путем не идти. Среда, в которой мы обитаем, — воздух, вода, информационная среда, люди, что нас окружают, — все это меняется и, в огромной степени, непредсказуемо. Поэтому Господь сотворил нас так, чтобы мы могли приспосабливаться к этим изменениям. Мы по-разному на них реагируем. Например, одним нравится то, что произошло при Ельцине. Другим это категорически не нравится. Одни пошли путем реформ, другие пошли противоположным, сопротивляясь этим реформам. И вот сегодня мы уже понимаем, что ни те, ни другие не были до конца правы. Если бы мы все были одинаковы, то пошли бы скопом одним-единственным путем, и тогда неминуемо свалились бы в пропасть. Здесь, в Лондоне, я не ощущаю себя персонажем ни прежней истории, ни новой. Ощущаю себя просто самим собой. Таким,

гами. Порой ошибочными, а иногда совершенно правильными, настолько, что и сегодня могу подтвердить: да, я поступал правильно. Так что, поверьте, ничего необычного в своем положении не вижу. А уж если возвращаться к истории, на которую вы ссылаетесь, то ведь это нормальная ситуация, когда человек, открыто противостоящий власти, не может жить в своей стране. Что же касается русской истории, то уж совершенно логично, что человек, который эту власть создавал, не может сегодня найти с ней общий язык. Власть всячески топчет того, кто когда-то ее выстраивал, а теперь пытается ей возражать. Не вижу в этом несправедливости, потому что неприятности, к которым приводили меня мои ошибки, никогда не пытался объяснить за счет дурных черт кого бы то ни было. Считаю, что все мои проблемы — это результат моих собственных ошибок. Отношу их только к себе самому, никогда не пытаюсь найти виновного. Сейчас заметно, что появляется все больше людей, которые испытывают неприязнь к Путину. Хочу сказать, что чувства неприязни, тем более ненависти, Путин у меня не вызывает. Вообще никаких эмоций Путин у меня давно не вызывает, да, пожалуй, не вызывал никогда. Что меня гнетет, так это серость власти. Серая власть России противопоказана, ибо, как мы уже говорили с вами, Россия — это максималистская страна. Для нее тусклость, болото, застой — смерть наверняка. В другом же случае есть шанс выжить.

А.П. И все-таки, едва ли вы считаете, что ваша жизнь — сплошная непрерывность. Как и любая жизнь, она имеет градации, делится на периоды, на жизненные эпохи. Ска-

Окончание на стр. 2

ют зорким глазком в каждую миску и крынку.

В писцах великая радость. Повсюду прирост, умножение. Вдов расплодилось втрое. Сирот впятеро. Беспризорных тьма тьмущая. Бездомных не счесть. Погорельцев не переписать. Утопленников не обобрать. Площади под погосты утроились. Золотые цепи на бандитских выях утяжелились вшестеро. Бриллиантов на любовницах олигархов стало бессчётное множество.

Стекутся утомлённые писцы со всех окраин в Грановитую палату, оставят у порога стоптанную обувь, разложат перед кремлёвскими мужами добытые списки. И те, многомудрые, станут считать казну, как бы ловчее распорядиться копейкой, не забыть кого из подданных, всякого окормить по его нужде и потребе.

Сколотить вдоволь гробов для убитых в Чечне. Расширить тротуары, где тесно девам, торгующим телесами. Обустроить тюрьмы для писателей. Утяжелить дубины для демонстрантов. В согласии с законом "О земле", не скупясь, нарезать площадей под погосты. В согласии с Законом "О здравоохранении" удвоить число туберкулёзников. Закон "Об об-

род и, увидев, что поголовье упало и стадо ополовинилось, обратятся к учёным. К селекционерам, генетикам, чтобы те вывели двухголовую скотину, наподобие путинского орла, и тогда, при том же числе копытных, поголовье увеличится вдвое. Законопроект об этом будет немедленно передан в Думу, где "центристы", заботясь об удвоении своих фракций, тут же примут закон. Однако Явлинский, стоя перед зеркалом, мысленно представив, что из его гордых плеч, рядом с собственной, вырастает голова Немцова, и обе они наперебой толкуют о "русском фашизме", — Явлинский горько заплачет, и у Лукина не хватит носовых платков, чтобы осушать его слёзы.

Товарищ, если ты веришь власти, чувствуешь её о себе заботу, тебе хватает зарплаты и пенсии, нравится Чубайс, по сердцу отмена выборов в Красноярске, и ты без ума от американских баз в Средней Азии, участвуй в переписи населения, которое к середине века упадет со ста пятидесяти миллионов до шестидесяти.

Александр ПРОХАНОВ

постарался, чтобы все мы были абсолютно различными. Смысл, который Господь вложил в эту идею, состоит в том, что мы имеем прво на ошибку. Мы можем ошибаться, в другие должны распознать эту ошибку и больше этим путем не идти. Среда, в которой мы обитаем, — воздух, вода, информационная среда, люди, что нас окружают, — все это меняется и, в огромной степени, непредсказуемо. Поэтому Господь сотворил нас так, чтобы мы могли приспосабливаться к этим изменениям. Мы по-разному на них реагируем. Например, одним нравится то, что произошло при Ельцине. Другим это категорически не нравится. Одни пошли путем реформ, другие пошли противоположным, сопротивляясь этим реформам. И вот сегодня мы уже понимаем, что ни те, ни другие не были до конца правы. Если бы мы все были одинаковы, то пошли бы скопом одним-единственным путем, и тогда неминуемо свалились бы в пропасть. Здесь, в Лондоне, я не ощущаю себя персонажем ни прежней истории, ни новой. Ощущаю себя просто самим собой. Таким, какой есть, со своими ошибками, со своими решительными ша-

счет дурных черт кого бы то ни было. Считаю, что все мои проблемы — это результат моих собственных ошибок. Отношу их только к себе самому, никогда не пытаюсь найти виновного. Сейчас заметно, что появляется все больше людей, которые испытывают неприязнь к Путину. Хочу сказать, что чувства неприязни, тем более ненависти, Путин у меня не вызывает. Вообще никаких эмоций Путин у меня дввно не вызывает, да, пожалуй, не вызывал никогда. Что меня гнетет; так это серость власти. Серая власть России противопоказана, ибо, как мы уже говорили с вами, Россия — это максималистская страна. Для нее тусклость, болото, застой — смерть наверняка. В другом же случае есть шанс выжить.

А.П. И все-таки, едва ли вы считаете, что ваша жизнь — сплошная непрерывность. Как и любая жизнь, она имеет градации, делится на периоды, на жизненные эпохи. Ска-

Окончание на стр. 2

ПАМЯТИ ЖЕРТВ ЕЛЬЦИНИЗМА

К 9-й годовщине Октябрьского Восстания в Москве

3 октября, в 9-ю годовщину кровавой народной трагедии 1993 года, на месте гибели героев в Останкине состоятся возложение цветов у здания АСК-3 и православная панихида. Начало в 13.00.

4 октября по Красной Пресне пройдет траурное шествие в память расстрелянных защитников Советской власти и Дома Советов, состоятся митинг протеста, возложение цветов и православная панихида у мемориала на Дружинниковской улице. Сбор — в 16 часов 30 минут у станции метро "Улица 1905 года"

Московский горком КПРФ,
Комитет памяти жертв
трагических событий 1993 г,
Движение "Трудовая Москва"

ВСЕ – НА МИТИНГ У КРЕМЛЯ!

10 октября – Всероссийская акция протеста

Если вам надоела пустая болтовня правительства, если вы против бесконечного повышения цен и лишения конституционного права высказать свое мнение на референдуме, если вы испытываете страх за будущее своих детей и внуков, если вы уже осознали истинный характер нынешней власти в лице нового президента, примите участие во Всероссийской акции протеста.

Наш митинг пройдет в Москве, 10 октября, в 17.00 у стен Кремля, на Васильевском спуске, под лозунгами:

Антинародное правительство — в отставку!
Долой продажную Думу!
Требуем проведение референдума!
Нет реформе ЖКХ!
Квартплата — не более 10% от дохода семьи!
Земля и ее недра — народу России, а не кучке воров!
ВСЕ — НА МИТИНГ У КРЕМЛЯ!

Московский городской комитет КПРФ

табло:

● Прошедшие в Москве переговоры с министром иностранныых дел эмиссаров из Вашингтона и Лондона, согласно дипломатическим источникам, фактически открыли "зеленый свет" для агрессии против Ирака. Однако Кремль пытается "сохранить лицо" и закамуфли- ровать "сдачу" Багдада некими ритуальными политическими маневрами, напоминающими поведение англо-французского альянса до лета 1940 года. По тем же данным, начало полномасштабной военной операции намеча- ется на период с 20 по 25 октября...

● Признание аутентичности пленок по "делу Гонгадзе" и прекращение американской помощи, по информации, поступающей из Киева подводит черту под политической карьерой Л.Кучмы, особенно если Москва не предпримет никаких шагов в его поддержку. Ожидается также быстрое возвышение В.Ющенко, который специально дистанцировался от "публичной политики", занимая позицию "над схваткой"...

● Гигантское падение фондовых рынков в Европе и Америке (на 3-6%), зафиксированное в понедельник, подтверждает выводы экспертов СБД об утрате контроля над кризисными процессами и их лавинообразном развитии. Без принятия сверхжестких мер государственного регулирования возможность полного хаоса представляется вероятной в течение нескольких недель. В этой связи при любых политических раскладах единственным выходом из ситуации для администрации Буша выглядит "маленькая победоносная война" в Персидском заливе, позволяющая взять под контроль основной нефтедобывающий регион мира...

● Скандал в Красноярске и отмена решения местного избиркома о признании выборов недействительными подчеркивает нарастание противоречий между федеральным Центром, где резко усилились позиции группы Чубайса—Потанина, и регионами, в которых всё больший вес приобретают "авторитетные" оппозиционеры типа Быкова и Климентьева. Характерным симптомом является и спор между Б.Мироновым и А.Вешняковым о необходимости изменений выборного законодательства...

● Наши источники в МВД сообщают об идущей полным ходом подготовке к расчленению ведомства с переподчинением значительной части силовых подразделений и оперативных структур губернаторам и руководителям национальных республик. Такая схема реформирования милиции по территориальному принципу говорит о том, что расчленение РФ на отдельные мини-государства становится еще более реальной и близкой перспективой. Эксперты СБД полагают, что в этом отношении В.Путин движется по "проверенному" пути М.Горбачева...

● Антигрузинская риторика Кремля и некоторых средств официальной пропаганды связаны со специально разработанным планом, в рамках которого предусматривается создание некоего "триумвирата" в составе России, Грузии и США. Этот альянс должен обеспечить прямое военное присутствие США на Кавказе и отчасти нейтрализовать "пантюркистский" потенциал Турции, такое сообщение поступило из Тбилиси. На этом фоне становится понятным неожиданный прием Тарика Азиза в Анкаре, что ставит под сомнение американские планы удара по Ираку до конца 2002 года...

● Поездка Б.Ельцина по Европе (Германия, Франция), как передали из Ниццы, связана с желанием "всенародноизбранного" лично ознакомиться с состоянием своей зарубежной собственности, как движимой, так и недвижимой. В ходе этой "семейной" поездки, увенчавшейся встречей "первого президента России" с французским "коллегой", состоялась также секретная встреча Т.Дьяченко с Б.Березовским, посвященная урегулированию некоторых "финансовых вопросов"...

● Результат ночного заседания Совета безопасности РФ по иракской проблеме, отложившего окончательное решение до конца недели, означает мощный удар по всей стратегии администрации Буша и, несомненно, вызовет там бурную реакцию. По нашим данным, такое решение в СБ "продавил" Чубайс, получивший из США указание "любой ценой" прекратить расследование ФБР по "делу Саммерса"...

АГЕНТУРНЫЕ ДОНЕСЕНИЯ
СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ
"ДЕНЬ"

агентство „дня"

* В Красноярске лопиула хлопошка.

* После выборов в Красноярске:
"Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный Усс..."

* Пали красноярские столбы.

ВОПРОС В ЛОБ Сергею ЮШЕНКОВУ

"ЗАВТРА". В последнем номере нашей газеты Александр Проханов в своей передовице достаточно лестно о вас отзывался, не исключив возможности сотрудничества со всеми, кто находится в оппозиции к режиму. Как вы прокомментируете его слова?

Сергей ЮШЕНКОВ. Мне трудно это комментировать. Я вижу во многих публикациях пвтриотов критический анализ действительности, с этим я готов согласиться, только у нас разные рецепты. Мы считаем, что беда заключается в том, что фактически госструктурами зажимвются инициативы каждого отдельного человека, а патриоты считают, что эти инициативы надо очень жестко регулировать именно с помощью государственных механизмов. Твк что совпадение наших позиций пока что достаточно расплывчато.

Публикацию подготовил
Олег ГОЛОВИН

И ПОЛКОВОДЕЦ, И ГЕРОЙ

В Центральном Доме Российской Армии прошло представление семитомника Валентина ВАРЕННИКОВА "Неповторимое", вышедшего в издательстве "Советский писатель". Выступая перед многочисленными читателями, автор сказал:

— Мой труд — это не дневники, не мемуары, не воспоминания. Это исследование, которое стремится ответить на главный для меня вопрос: почему мощнейший, победоносный советский проект потерпел крушение? При помощи документов, опираясь на мой человеческий и политический опыт, на традиции и дух моего народа, я, как мог, встал на пути чудовищной лжи и фальсификации, которые затмили понимание процессов, происходящих в нашем обществе...

КТО ЖЕ ФАШИСТ?

НАШ КОММЕНТАРИЙ К ТЕЛЕПРОВОКАЦИИ МИНИСТРА ШВЫДКОГО
на стр. 7-8

КОНСПИРОЛОГИЯ

С БЕРЕЗОВСКИМ, В ЛОНДОНЕ...

Беседа Александра ПРОХАНОВА с Борисом БЕРЕЗОВСКИМ

Окончание. Начало на стр. 1

жем, ваш советский период — это, видимо, некая целостность. Ваша жизненная ситуация после 91-го, когда вы были в центре политической власти, формировали экономику, конструировали политику и не очень-то полагались на волю Всевышнего, как вы сейчас говорите, а были нетерпеливым конструктором, яростным социальным инженером — это второй период. Третий — это опала, вынужденное изгнание, временное или на всю жизнь. Когда я вас спрашивал, у меня не было никаких подтекстов. Меня интересует самоощущение человека, который насильно вырван из той среды, которую сам создавал.

Б.Б. На самом деле есть внутренний мир человека и внешний. Сначала о внешнем. Да, жизнь в Советском Союзе — это целый период, ровный, яркий, счастливый. Я был абсолютно счастлив в Советском Союзе, рос в классической советской семье. Отец — инженер-строитель. Мать, когда я был маленький, — домохозяйка, а потом лаборантка в институте педиатрии, проработала там двадцать пять лет. Отец так и умер на работе. Школа, институт, сначала один, потом университет, потом аспирантура, потом диссертация кандидатская, диссертация докторская, член-корреспондент Российской Академии наук. Повторяю, был абсолютно счастлив, потому что занимался любимым делом. А потом эта жизнь закончилась, в 89-м году, когда в институте перестали платить зарплату, и я почувствовал, как повисла в воздухе какая-то неопределенность, угроза, и жить стало неуютно. Я — человек, чувствительный к внешним изменениям. Эту угрозу, эти подземные гулы я почувствовал раньше других. Хотя внешне все оставалось спокойным: жена, двое детей, квартира, машина напополам с приятелем, докторская зарплата. Однако, я почувствовал, что прежняя жизнь завершается. И попытался предугадать новую, еще неявную жизнь, перемены, грядущие в огромной стране. И принял абсолютно нетривиальное решение: больше не заниматься наукой, а начать заниматься бизнесом, который в то время назывался "спекуляцией". Это было непросто, потому что страна не воспринимала такие категории, как "хозяин", "большие деньги", "быстрый, бешеный заработок". Все это раздражало общество, даже близких товарищей. Но я принял решение, кардинально изменил мою внешнюю жизнь. Ушел из тихого, спокойного академического института, полностью стал самостоятельным. Никакой зарплаты, никакой социальной помощи. Не жди ниоткуда помощи и защиты. Я тоже был членом компартии, и, в отличие от некоторых, билет свой никогда не рвал, не сжигал. Так и лежит у меня в сейфе в институте, где я до сих пор на общественных началах заведую лабораторией. Кстати, эту лабораторию создал я и никогда не прекращал с ней связь, до сих пор общаюсь с моими коллегами. Но, тем не менее, наступила совсем другая реальность. Я взял полностью ответственность за свою жизнь, уже не уповая на государство. Хотя, конечно, подсознательно рассчитывал, что в трудные минуты оно придет на помощь. Конечно, раньше государство бесплатно учило, лечило, давало жилье. Это потом я стал понимать, что за это расплачивался налогами, неполной зарплатой, ограничением индивидуальных возможностей, обеспечивающим "социальную справедливость". Я не хочу говорить, хорошо это или плохо. Но началась для меня совершенно другая жизнь, с риском, ответственностью и свободой. И мне такая жизнь очень нравилась. До этого я был не последним человеком в науке. Член-корреспондент Российской Академии наук, в которой на весь Советский Союз было 800 человек, 500 академиков и 300 членов-корреспондентов. Это результат, к которому стремился любой честолюбивый ученый. Я рассчитывал в дальнейшем стать академиком, лауреатом Нобелевской премии, хотя понимал, что я не лучший среди своих коллег. Что есть люди, превосходящие меня в науке. Может, это был один из побудительных мотивов изменить мою жизнь? Потому что, когда я пришел в бизнес, я почувствовал, — то, что я делаю в бизнесе, под силу очень немногим людям. В науке я знал: есть 1000 человек, которые могут делать то же, что и я. Но в бизнесе из моего окружения на это не был способен никто. Это потом появились какие-то новые имена, которых я прежде не знал: Миша Ходорковский, Володя Потанин, Володя Виноградов. Их совсем было мало, этих людей, которых потом назвали олигархами. Ощутив свою уникальность, я почувствовал себя комфортно. Потому что, повторяю, категорически не люблю делать в жизни то, что другой умеет лучше меня. Просто отхожу в сторону. Спрашиваю: зачем я толкусь в этом месте, если есть другой, который делает лучше? Забегая вперед, признаюсь — когда я стал заниматься политикой, то почувствовал себя совсем комфортно. Ибо я действительно во многих проектах не видел себе равных. Никого, кто мог бы это придумать и реализовать. И, конечно, это было комфортное ощущение: я нахожусь в том месте, которое никто другой не может занять. Но это уже третий этап моей жизни. Переход от бизнеса к политике.

...вернутый тезис, который характеризует вас как очень бурного, экспансивного человека. Вряд ли такой человек может стать любимым учеником Христа. Ваша внешняя активность столь велика, что это, по классике, предполагает некоторую остановку, замедление внутренней жизни. Откладывание "на потом", может быть, "на никогда", основного метафизического решения: "Как быть?" По-моему, здесь есть противоречие.

Б.Б. Вы знаете, эти противоречия снимаются силой воли. Есть ли у тебя сила воли не переступить те внутренние ограничения, что и составляют смысл духовной жизни? Для меня же, повторяю, внутренние ограничения — это десять христовых заповедей. Я их не переступал. Очень много писали о моем участии в мафиях, в заговорах с целью убийства, в убийстве Листьева, еще в тысяче грехов. Разве что не говорили, будто я пил кровь христианских младенцев.

А.П. Зато это делал Ельцин, который, как известно, пользуется инъекциями, приготовленными из человеческих эмбрионов.

Б.Б. Нет, нет, я не переходил через эти грани. И может, самое главное, я никогда не перешел через грань, которая называется "убить", "заказать" другого человека. Вы знаете, какое противоречивое и жестокое было время. Многие не смогли устоять перед этим искушением. Кровь проливали и те, кто проводил реформы, и те, кто им противостоял. Но я, повторяю, не только смог преодолеть. Я действительно ничего не украл. В нашей прокуратуре еще никого так пристально не изучали, как меня. И если бы я действительно был уличен в краже, то был бы ордер на экстрадицию, и меня в наручниках привезли в Россию.

А.П. А вообще, не ощущаете комплекса вины? Я не имею в виду прокурорские нападки. Вы как центральный политик ельцинской эпохи не ощущаете вины перед сонмом несчастных, разоренных, потерявших высокую социальную цель, брошенных в пучину социальных и национальных несчастий? Ведь чувство вины — это очень человеческое состояние.

Б.Б. Конечно же, я ощущаю колоссальный комплекс вины. И не только за те деяния, когда я ошибался и эти ошибки принесли страдания миллионам людей. Но даже за ошибки моих предков, если их деяния, их прегрешения, вольные и невольные, приносили несчастья. Знаете вы или нет, — когда был съезд партии "Либеральная Россия", была выпущена декларация. Я участвовал в написании этой декларации. Первым пунктом я призвал покаяться всех за то, что произошло в России, за горе и...

...своеобразное бесстрашие. Давление началось на меня еще при Ельцине с моего жесткого противостояния Коржакову и Барсукову. И тогда уже использовали средств для того, чтобы я "заткнулся". Потом известная история с Евгением Максимовичем Примаковым, когда я первым выступил против него открыто. Последовало давление — не то, что оказывал прежде Коржаков, мягко сказать, дваление солдафона, а давление изощренное, рафинированное, ибо Евгений Максимович серьезный противник, и он великолепно использовал свое влияние на Ельцина. Примаков сделал все, чтобы я перестал быть Исполнительным секретарем СНГ, и в этом мало чем отличался от Чубайса, который использовал те же приемы для того, чтобы я перестал быть заместителем секретаря Совета безопасности. Чубайса тоже нельзя назвать глупым и слабым человеком. И тем не менее, я это давление выдержал, во мне ничто не дрогнуло, когда Евгений Максимович сказал: "В тюрьму посадим". В очередной раз открыли дело Аэрофлота, в очередной раз вызвали в Генеральную прокуратуру. Я находился за границей, но сказал, что прилечу, несмотря на то, что был выписан ордер на мой арест. Рискнул прилететь, потому что понимал, страна еще не готова к таким репрессивным расправам. Сейчас не прилетаю, потому что знаю — страна готова. Прилечу, уж точно арестуют. Мне кажется, люди в спецслужбах сделали мой психологический портрет, знают хорошо мои слабые стороны. И, тем не менее, профессионалы там, похоже, перевелись. Здесь, в Англии, получаю глупые угрозы, "подметные письма". Дескать: "Борис Абрамович, зачем вам нужно все это? Вот кладбище здесь под Лондоном такое красивое, и последнее вам предупреждение, а иначе фильм покажем про то, как вы с мальчиками развлекаетесь" И подписи, естественно: "Иван Иванович", "Николай Николаевич", такая, извините, "гэбэшная" система. А месяц назад пришли два офицера из Скотланд Ярда, сюда, где мы с вами сидим. Я пригласил адвоката. Они показали какую-то бумажку и заявили, что есть информация, будто на меня готовится покушение с целью убийства здесь, в Лондоне. Заказ — из России. Предложили взять под охрану этот дом, где мы с вами сидим, мой рабочий офис. Не могу сказать, что я отнесся к этому предупреждению очень серьезно. Но, тем не менее, я отношусь серьезно к неумению обучаться. С другой стороны, ну, убьют Березовского, что случится? Вы правильно сказали, что я занимаю определенную нишу. Занимаю ее, пока жив. Не буду жив, ее другой займет обязательно. Надо понимать, что моя деятельность — это не прихоть Березовского. Это порождено системой нынешней власти.

...талов в России? Они себя чувствуют свободно, или их тоже выдавили, наложили секвестр?

Б.Б. Констатирую: власть незаконным образом отобрала мою собственность. Она уменьшила мое влияние на русскую политику, заменив его другим влиянием. Думаю, что ваша газета, у которой я не пользуюсь симпатией, не в восторге от такой замены. Существование средств массовой информации, не подчиненных только государству, создавало возможность лучше понимать происходящее. Да, с искажениями, но не с такими глобальными, как это происходит сегодня. Что касается бизнеса, экономики, компаний, которые я создавал, — часть из них мне пришлось продать. Ведь у меня другого бизнеса, кроме русского, никогда не было. В этом и была сила олигархов, у меня в частности, что мы верили — в России можно создать лучший в мире бизнес. Иностранные банкиры и бизнесмены удивлялись, почему мы "держим яйца в одной корзине", в русской. В 96-м году мы были сильны именно потому, что "все яйца были в одной русской корзине". Если бы наши капиталы были на Западе, не уверен, что все бы олигархи объединились для своей защиты вокруг Ельцина. Еще хочу сказать, что с моей точки зрения, никто больше богатых людей не заинтересован в будущем России. Не только на словах, но и по возможностям. Капитал — это концентрированный потенциал нации. Это вовсе не деньги в мешке, это интеллект, фабрики, ресурсы. Другое дело, что этот потенциал распределен между различными группами или людьми. Тем не менее, давление на мой бизнес со стороны ФСБ было мощным. Я вынужден был продать половину моего русского бизнеса, создать свой бизнес за границей. Этот бизнес сегодня во многих странах. Часть бизнеса я оставил в России. Часть, о которой власть знает, часть, о которой власть не знает. Конечно, этот бизнес подвержен большему риску, чем тот, что не связан.

А.П. Ваш путь после 91 года — это путь триумфального восхождения, несмотря на то, что вас взрывали, что у вас были всевозможные издержки в отношениях с властью и с другими олигархами. Но все равно, это был путь триумфатора. То, что вы являетесь главным конструктором схемы перехода власти от Ельцина к Путину — ни для кого не секрет. Если бы этот проект удался на все 100 процентов, то сейчас ваша роль в России была бы, по-видимому, колоссальной. Но здесь кривая успеха резко пошла вниз. Вы ошиблись в Путине. Что это был за проект — проект создания Путина из ничего, из облака мерцающей пыли? Как в недрах этого проекта рассматриваются взрывы московских домов? В чем была ваша ошибка? И ошибка ли это? Не является ли эта подножка, которую вы сами себе подставили, подножка "Путин", роковой для вас?

Б.Б. Начну с последней части вашего вопроса. Действительно считаю, что персонально Путин — это ошибка. Хотя далеко не только моя. Я не один принимал это решение. Более того, у меня были иные предложения, рассматривались другие решения. Вообще, это иллюзия, что народ выбирает. Эта иллюзия особенно сильна в России. Традиционно в России вопрос о власти решается элитой. Точно так же, как в большинстве других стран мира, например, в Америке. Когда Америка выбирает такого президента, как Буш, понятно, что это не может быть выбор народа в чистом виде. На самом деле народу этот выбор навязан. Если говорить точно, этот выбор навязывается капиталом. Теперь хочу ответить на ваш вопрос, в чем же моя главная ошибка. Она состояла в том, что с 91-го года, сначала робко в моем сознании, потом все отчетливее, я считал, что главной преградой на пути развития России являются коммунисты. В 96-м году я действительно пытался построить конструкцию, которая противостояла коммунистам. Но уже тогда у меня зародилось сомнение. Это был первый звонок, который, к сожалению, не разбудил меня. Звонок прозвучал 17 марта 96-го года, совсем незадолго до президентских выборов, когда один из близких Ельцину людей позвонил мне рано утром и сказал, что Ельцин подписал три указа, находясь в Завидове. Один указ о переносе выборов на 2 года, второй указ — о разгоне компартии, третий указ — о разгоне парламента. Я был крайне удивлен. Я встретился с этим человеком буквально через час. Я прекрасно понимал, что это катастрофа. Что 93-й год повторить в России невозможно. Это означало бы снос Ельцина или превращение его в нелегитимного президента. Я вместе с другими приложил массу усилий, чтобы этого не произошло. Сегодня известно, что главным человеком, переломившим эту ситуацию, был министр МВД Анатолий Куликов. Он сказал Ельцину, что не сможет удержать народ. Он не гарантирует, что не будет крови на улицах. Не думаю, что это был решающий довод для Ельцина. У этой зловещей, антиконституционной конструкции были свои архитекторы. В ночь с 16 на 17 марта в Завидове они уговорили Ельцина подписать эти указы. Вот тогда, собственно, и началось противостояние команды, которую создали олигархи, команде силовой. Закончилось оно поражением силовиков. Чубайс тогда воскликнул: "Вбит последний гвоздь в гроб коммунизма", не понимая вообще, что такое коммунизм. Это идея, в которую вбить

менить мою жизнь? Потому что, когда я пришел в бизнес, я почувствовал, — то, что я делаю в бизнесе, под силу очень немногим людям. В науке я знал: есть 1000 человек, которые могут делать то же, что и я. Но в бизнесе из моего окружения нв это не был способен никто. Это потом появились какие-то новые имена, которых я прежде не знал: Миша Ходорковский, Володя Потанин, Володя Виноградов. Их совсем было мало, этих людей, которых потом назвали олигархами. Ощутив свою уникальность, я почувствовал себя комфортно. Потому что, повторяю, категорически не люблю делать в жизни то, что другой умеет лучше меня. Просто отхожу в сторону. Спрашиваю: зачем я толкусь в этом месте, если есть другой, который делает лучше? Забегая вперед, признаюсь — когда я стал заниматься политикой, то почувствовал себя совсем комфортно. Ибо я действительно во многих проектах не видел себе равных. Никого, кто мог бы это придумать и реализовать. И, конечно, это было комфортное ощущение: я нахожусь в том месте, которое никто другой не может занять. Но зто уже третий этап моей жизни. Переход от бизнеса к политике.

А.П. А какова мотивация этого перехода? Политика способствует бизнесу? Или политика — увлекательная игра? Или в вас продолжал говорить "системщик", "концептуалист", который постоянно расширяет поле деятельности? Или политика препятствовала реваншу ваших идейных противников, которые хотели отобрать у вас богатство и влияние?

Б.Б. Об этом немного позже... И, наконец, теперь еще один жизненный цикл — изгнание. Я не могу приехать в Россию, потому что меня туда не пускают, там есть ордер на мой арест. Я объявлен "в розыск", ищут, никак не найдут. Хотя мы с вами сидим в Лондоне, и все это знают. Если бы меня хотели заполучить в России, если бы считали, что для этого есть криминальное основание, что Березовский действительно что-то похитил, то почему бы не обратиться в Интерпол? Не обращаются. Значит, причина одна: не нужно, чтобы Березовский возвращался в Россию. Это чистая политика, не вижу других аргументов. Это следствие моего перехода от бизнеса к политике. И вот теперь то, о чем вы спросили, — мотивация. Я ее долго не мог сформулировать. Но сформулировал с помощью Андрея Дмитриевича Сахарова. Когда его однажды спросили: "В чем смысл жизни?" — он ответил: "В экспансии". Это определение мне подходит. Я лишь развил для себя это определение. Разделил экспансию на внутреннюю и внешнюю. Нужно правильно понять сахаровский термин "зкспансия". Думаю, что Сахаров имел в виду преодоление энтропии, преодоление хаоса. "Победа над хаосом", — вот что движет человеком. И вне себя и внутри я пытаюсь бороться с хаосом. Внутри себя сложнее, чем вовне. И для меня внутреннее преодоление хаоса — это стремление к свободе. Воспитание себя как свободного человека. Для меня свободный человек тот, кто умеет сам себя ограничивать. Для меня, человека верующего, православного, свобода означает жизнь с соблюдением ограничений, которые сформулировал Иисус Христос в Нагорной проповеди. А до него в Ветхом Завете Моисей, который услышал эти заповеди от Бога. Вот это для меня и есть свобода. Свобода как система внутренних ограничений. И вот, выстраивая в течение всей моей жизни систему внутренних ограничений, которая противостоит хаосу внутри моей души, я ощущаю мою внутреннюю жизнь как нечто целое, неразрывное, не подлежащее делению на периоды. Я не прерывал этого движения ни в советское время, ни тогда, когда занимался бизнесом. Хотя искушения были огромные... А вот теперь о политических мотивациях. В бизнесе сначала хотелось просто заработать миллион. Потом не миллион, а 10 миллионов. Потом понимаешь: ну, стоп! Всего заработанного не прожить, но хочется, чтобы были такие автомобили, которых никто никогда не делал. Приступаешь к реализации, не получается. Может быть, сумасбродная идея, не оформлена рационально. Потом понимаешь, что она вообще недостижима, если не будешь защищен в своих идеях, не будет защищен твой бизнес. И ты начинаешь заниматься политикой. Не могу сказать, что в 96-м году я был категорическим противником прихода к власти Зюганова. Я видел слабость Ельцина, слабость реформаторов в целом, которые были уже неспособны противостоять напору "левых". Они уже, по существу, проиграли в 96-м битву за власть. Но оставались люди, и я в том числе, которым было что терять. Быть может, и жизнь. И тогда именно я инициировал союз реформаторов и олигархов, и этот союз помог одержать победу. Реформаторы одни, сами по себе, были не в состоянии победить Зюганова. А олигархи в одиночку тоже были не в состоянии победить Зюганова. Только их союз обеспечил победу. Сегодня многие мне говорят: "Как ты считаешь, если бы победил Зюганов, не пошла бы Россия более естественным путем? Не удалось бы избежать издержек Путина?" Так как победа Путина означает победу не идеологии, не варианта развития, а победу спецслужб. А приход к власти спецслужб в любой стране — трагедия. Хуже этого не может быть ничего. И я не хочу сказать, что у меня есть сомнения в правоте того, что я делал в 96-м году. Но у меня накапливаются вопросы по поводу того, что же случилось в результате победы Путина? Насколько это хорошо для России по сравнению с тем, что могло случиться? Хотя, как вы знаете, политика не терпит сослагательных наклонений. Однако, это не означает, что нельзя делать выводы для будущих шагов.

А.П. Согласен, исследование утраченных возможностей — тоже часть развития. Но вот вы произнесли сейчас раз-

Беседа Александра ПРОХАНОВА с Борисом БЕРЕЗОВСКИМ

Василий Суриков. "Меншиков в Березове"

беды людские. Разгорелась длительная дискуссия среди либералов. Мне было дико, что люди, считающие себя либералами, полагают, что им не за что каяться. В этом манифесте я пытался обосновать тезис о том, что идея свободы — прямая производная христианства. Главный смысл христианства — именно в свободе. Но не в свободе как вседозволенности, не в свободе как "воле вольной", а в свободном умения себя ограничивать. Покаяние — это и есть ораничение. Поэтому я должен каяться. Мы пришли на землю, чтобы страдать. Только через страдания можем понять смысл жизни. Если я говорил, что смысл жизни в экспансии, но это тоже страдание. Невозможно жить иначе, кроме как каяться за то, что совершил.

А.П. Снизим уровень разговора, который напоминает разговор двух патрициев, проживших бурные жизни и философствующих на темы бытия. Наши жизни еще не прожиты и впереди много бурь. Вы интерпретируетесь нынешней российской властью как опасный враг. Может быть, единственный для нее опасный враг. Не сомневаюсь, что эти постоянные прокурорские заявления, по "Аэрофлоту", Андаве", "Атолу", автомобильным сделкам, — все это должно вас травмировать, психологически уязвлять, как бы вы ни верили в английское правосудие. Какие еще возможности у власти давить на вас? Какие механизмы использует власть в борьбе с вами?

Б.Б. Все-таки не стану утверждать, что здесь, в Лондоне, чувствую себя в полной безопасности. Конечно, существует такие понятия, как западная демократия, гарантии свобод, защита частной собственностии. У нас в Советском Союзе, были такие, кому абсолютно не нравилась советская система, и они идеализировали Запад. Я никогда не был диссидентом, никогда активно не выступал против системы, хотя это не значит, что я был конформистом. Я был членом партии, активно работал, принимал участие в общественной жизни. Я общественно активный человек с детства. Тем не менее, у меня были фантастические иллюзии относительно Запада в целом. Относительно демократии как способа управления страной. Заблуждения относительно того, где витрина, а где истинный интерес. И, по мере того, как я узнавал Запад, происходили, если не прозрение, то постоянная переоценка и, к сожалению, я не обнаруживал дополнительных плюсов демократии, но все больше минусов. Одновременно происходило колоссальное переосмысление современного мироустройства в целом. Поэтому здесь, в Лондоне, я чувствую себя, конечно, в большей безопасности, чем в России, но я не чувствую абсолютной защищенности. Понимаю, насколько конъюктурны соображения Запада, насколько они рациональны. Если Западу нужен сегодня Путин, то во имя этого сдадим кого угодно, хоть "маму родную", а уж Березовского — с большим удовольствием, дайте только хоть малейшие аргументы. Или наоборот — Путин выступил против бомбардировки Ирака, а Березовский выступает против Путина, вот и используем Березовского, чтобы "надавить" на Путина. Так что я все понимаю, тут у меня никаких иллюзий нет. А что касается давления со стороны российской власти, то, знаете, во мне что-то сильно изменилось после одного эпизода моей жизни. И прежде было много смертельных трюков, когда, казалось, я должен был умереть. А вот остался жив, что, в общем-то, странно. Но один случай сильно подействовал, когда на меня было совершено покушение. В 15 сантиметрах от меня оторвало голову моему водителю, в должны были оторвать голову мне — взорвалась машина. После этого я посмотрел на мою жизнь по-другому. Я понял, что жизнь — это подарок Всевышнего, и относиться теперь к этому нужно, как к подарку. Либо я испугаюсь, забьюсь в угол, постараюсь исчезнуть в тайге, в джунглях, с глаз долой, стану цепляться за жизнь. Либо решу, что это подарок Господа и я весь в его власти. Это не значило, что я должен подставлять себя под пули, но появилась вера в судьбу, в промысел, а это

А.П. Все-таки думаю, что место у вас уникальное. Не может быть воспроизведено двойником или наследником. Мне кажется, сейчас вы очень одинокий человек, в социальном, в политическом, может, и в экономическом смысле. Вы уже не окружены той средой, которая обеспечивала бы вам коллективную, групповую безопасность. Вы демонизированы, скажем прямо, и с помощью моей газеты. Власть получает возможность в атмосфере этой демонизации совершить неправовые действия в отношении вас. Общество воспримет их с одобрением. Расправа над вами станет козырем власти: она расправилась с главным демоном России — с Березовским. Однако, мне кажется, вы обладаете некоторым иммунитетом. Вы знаете "тайны кремлевского дворца". Вы владеете банком тайных знаний. Вы — ведающий человек. Эти знания, особенно если вы ими поделились со Скотланд Ярдом или Интелленджен сервис, являются для вас гарантией безопасности. Кремль не может послать к вам киллера или устроить автомобильную катастрофу. Мне почему-то кажется, извините, что я это говорю, вы — человек очень сложных, моментальных рефлексов, и отрабатываете для себя эту форму безопасности.

Б.Б. Уверяю вас, ни одной тайной ни президента Ельцина, ни его семьи, ни президента Путина я не обладаю. И уж точно, даже если бы и обладал, не стал бы делиться ни с одной разведкой. То, что мы сегодня с вами встречаемся, свидетельствует о том, что я хочу жить в России. А я не смог бы жить в России, если бы я посчитал, что предаю ее. Для меня неприемлемо использовать слабости страны, открывая их соперникам моего государства. Я полагаю, что у меня достаточно сил, чтобы самому воздействовать на режим. Уж точно не стану прибегать к помощи извне, потому что это обнаружит мою неспособность. Покажет: режим настолько прочен, что лишь внешняя агрессия способна его изменить. Но тогда я выступаю не против режима, а против страны. Когда я был заместителем секретаря Совета безопасности, я встречался со многими политиками мира, с представителями спецслужб. И уж точно известно, что я никогда не выступал как их агент или как шпион. Я учвствовал в освобождении заложников, которые были взяты в чеченский плен. Это была совсем непростая задача, с риском для жизни не только для меня, но и для моих друзей. И, тем не менее, я решал эту задачу. У англичан я прошу "вид на жительство", и они мне его не дают. Знаю почему. У них есть обязательства перед Путиным. Сами говорят, что есть прямая угроза покушения, угроза жизни, но "вида на жительство" не дают. "Вид на жительство" не надо путать с гражданством, потому что я по-прежнему гражданин России и больше никакой другой страны. Все сказанное не означает, что я рассматриваю спецслужбы Англии как врагов. Но я их не рассматриваю как союзников, с которыми должен кооперироваться в решении каких-то своих проблем или проблем России. Притом я хочу заметить, англичане суперкорректны, меня никто не выдавливает из страны. Моя жена Лена, мои дети живут здесь, они получили "вид на жительство" мгновенно. Они могут свободно передвигаться, перемещаться, ездить во Францию, в Россию, хотя, к сожалению, это тоже опасно. У меня ни к кому нет претензий. Это мой путь, я сам его выбрал. У меня нет претензий к Путину, к Блэру или к Бушу, к их спецслужбам. Так же, как нет претензий к ФСБ, которая тупо выполняет свою задачу, как они считают, разумную.

А.П. Последние полтора года мы в России наблюдали, как вас лишают информационного могущества. Вся страна, затаив дыхание, кто с ужасом, кто с восторгом, наблюдала "четвертование" Березовского на ОРТ, на ТВ-6. Думаю, власть в очень большой степени перерубила каналы вашего воздействия на русскую реальность. Но не лишила ли она вас и экономической мощи? Какая судьба ваших капи-

подписал три указа, находясь в Завидове. Один указ о переносе выборов на 2 года, второй указ — о разгоне компартии, третий указ — о разгоне парламента. Я был крайне удивлен. Я встретился с зтим человеком буквально через час. Я прекрвсно понимал, что зто катастрофа. Что 93-й год повторить в России невозможно. Это означало бы снос Ельцина или превращение его в нелегитимного президента. Я вместе с другими приложил массу усилий, чтобы этого не произошло. Сегодня известно, что главным человеком, переломившим эту ситуацию, был министр МВД Анатолий Куликов. Он сказал Ельцину, что не сможет удержать народ. Он не гарантирует, что не будет крови на улицах. Не думаю, что это был решающий довод для Ельцина. У этой зловещей, антиконституционной конструкции были свои архитекторы. В ночь с 16 на 17 марта в Завидове они уговорили Ельцина подписать эти указы. Вот тогда, собственно, и началось противостояние команды, которую создвли олигархи, команде силовой. Закончилось оно поражением силовиков. Чубайс тогда воскликнул: "Вбит последний гвоздь в гроб коммунизма", не понимая вообще, что такое коммунизм. Это идея, в которую вбить гвоздь невозможно. Ей можно противостоять, но только не силой. И вот тогда у меня зародилось сомнение, а правильная ли цель — борьба с Зюгановым? Отсюда ли исходит основная опасность? Что было бы, если бы победил Ельцин, но остались бы Коржаков и Барсуков? Считаю, что это была бы почти та же конструкция, которая сегодня создается в России. Ельцин переставал быть легитимным, опирался бы только на спецслужбы, и они получали неограниченный контроль над ним. Дальнейшее развитие совершенно понятно. Но, опять же, я не придал этому большого значения, потому что все закончилось успехом, коммунисты были повержены, Коржаков, Барсуков отстранены. Уже позднее я понял, что мы прошли буквально по лезвию. Коммунисты повержены в результате выборов. А Коржаков уже в результате административных действий Ельцина. Я понимал, что с коммунистической идеологией, как с доминирующей, покончено в России. Это приняло общество, приняли сами коммунисты. Долго не принимали, но потом приняли. И постепенно я понял, что основной противник реформ и вообще нормального развития России, — это не коммунисты, а спецслужбы. Уже после того, как "партия была сделана" и избрали Путина, я стал задумываться над этой историей со взрывами домов. Я вдруг понял, что это была абсолютно такая же конструкция, но другого исполнения, какую пытались в свое время осуществить Коржаков и Барсуков. Я был в политике, понимал, что происходит. В 99-м году был один эпизод, который я тоже потом осмыслил. В 99-м году ко мне на связь вышли люди Удугова. Только-только премьер-министром стал Степашин. И мне сказали, что в Дагестане осенью произойдут серьезные события. После моих прямых вопросов достаточно недвусмысленно объяснили, что предполагается вторжение Басаева. Я абсолютно четко сформулировал свою позицию. Сказал, что для чеченцев — это просто гибель. Благодаря двухлетним усилиям моих и Рыбкина в Чечне складывается политическая основа для мирного процесса. Она еще не подкреплена экономическими шагами, но есть общественное мнение и в России, и на Западе, которое поддерживает мирный процесс. Если же будет война в Дагестане — это, безусловно, поражение для чеченцев, поражение для России, потому что остановить это будет невозможно. Это смертельный трюк. Сразу же после этого секретного разговора я доложил об этом Степашину. Тогда я не отреагировал на то, с каким спокойствием Степашин это воспринял. Он мне сказал: "Не волнуйся, мы все знаем, все контролируется". И это при том, что в течение двух лет в Буйнаксе, в Чабанмахи ваххабиты рыли окопы, создавали опорные пункты, окопы. Как об этом не могла знать ФСБ? Уже позже я пришел к выводу, что все это было одной большой провокацией. И интервенция Басаева, и война в Дагестане, и взрывы. Как оценивать действия ФСБ? Конечно, русское самосознание было поражено в Чечне в Первую войну. Есть два способа преодолеть это поражение. Либо ждать, когда народятся два новых поколения, и травма зарастет. Либо реванш. Другого человечество не знает. Мы знаем историю современной Германии, знаем, что понадобилось два поколения, чтобы немцы освободились от комплекса пораженцев. Они с этим справились. Россия пошла другим путем. Она решила не ждать. Решила взять реванш. Была устроена эта провокация. Но даже после начала войны еще оставался шанс локализоввть ее трагические последствия. У меня был на эту тему серьезнейший разговор с Путиным. Мы дошли до Терека в конце 99-го года. Я никогда не прекращал встреч с чеченцами, в том числе с теми, кого в России называют "боевиками". Я не прекращал связи с теми, кто был легитимен с точки зрения российского законодательства. Это Масхадов, это Закаев, еще целый ряд людей. В тот момент, когда мы вышли на Терек, они были готовы к миру на наших условиях. Я сказал: "Путин, послушай, победа — это не флаг над Грозным. Победа — это уже преодоленный на сегодняшний день русскими "комплекс пораженцев", это ощущение чеченцев, что они проиграли. Теперь давай заключать мир. Без штурма Грозного". Но видимо что-то сидит внутри Путина очень ограниченное и злобное. Вот эта мелочность, тщеславие, непонимание, что за это тщеславие придется расплачиваться тысячвми и тысячами конкретных жизней.

А.П. Может быть, он хотел принять в Грозном парад Победы?

Окончание следует

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ "ЗАВТРА"
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
"ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..."
ИНДЕКС: 32525.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Валентин СОРОКИН

РУССКОЕ СЛОВО ВЕЧНО

БЕСЕДА С ВЛАДИМИРОМ ...

Владимир БОНДАРЕНКО. Валентин, ты — человек XX века. Это был для нас, русских, век великих трагедий и великих побед. А какова была русская литература? Дала ли она, подпитываясь великими трагедиями или подвигами, великие творения?

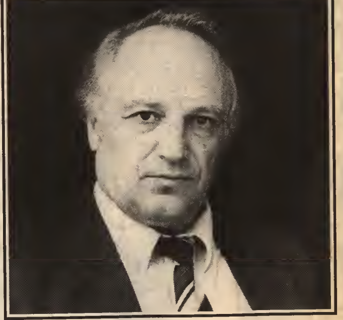
Валентин СОРОКИН. Страна, в которой мы жили, оплёвана теми, кто нами сегодня правит. В это расшатанное, полубредовое, полупьяное торгашеское время очень тяжело проявиться большому писателю. Но наша страна, при всех её кровавых потерях и при всех войнах, жила всё-таки братством, надеялась на равенство, на справедливость. И если бы эти вот сейчас не пришли к власти... Ведь у нас к 1986 году стало подниматься по-настоящему хозяйство, стало больше рождаться детей, на селе начала оставаться молодёжь. И время всё же было крылатым, устремлённым в будущее. Через трагедии, через эти реки крови мы всё равно шли к своей звезде. И рождались изумительные произведения. Сейчас долго таких созвездий не появится. Вот посмотри, Володя, на книги впереди нас с тобой прошедших: Борис Можаев — "Мужики и бабы", или "Братья и сестры" Фёдора Абрамова — цены им нет, правда? Иван Акулов "Ошибись, милая" и "Касьян Остудный". Эта группа вообще изумительных писателей. И дальше — Константин Воробьёв, исторический писатель Валентин Пикуль. Это одно поколение. А перед ними посмотри у нас какие поэты талантливые появились, и почти все из них погибли. Они как бы связывали начало XX века и тридцатые годы. И передали в советскую эпоху эту своеобразную культурную эстафету. Павел Васильев — какой поэт колоссальный — расстрелян. Борис Корнилов — не менее значительный — расстрелян. Дмитрий Кедрин — изумительный поэт — убит. Я изучал его творчество и думаю, что он убит за одно из своих произведений. Когда-нибудь я опубликую свои догадки, в твоей газете, положим, да? А Недогонов, Павел Шубин — всё это единого дыхания и уже советской окрылённости поколение. Пётр Комаров, Борис Ручьёв — погибли. Борис Ручьёв — 10 лет Колымы, 10 лет высылки потом. Почему это случилось? Когда мне говорят, что это были случайные ошибки, я всё время думаю, что это за ошибка : тысячи людей истребить, что это за ошибка 300 тысяч выселить, что это за ошибка 30 тысяч священников выслать или уничтожить? Я вообще считаю, что борьба с храмом, с религией была нам навязана бесовскими силами. Представь себе, Володя, если бы не тронули храмы, ведь религия — это культура всего народа: как сеять, как ребёнка качать, как лечить себя, какая трава растёт. Совсем другая страна была бы.

В.Б. То есть ты сторонник некоего христианского социализма? Если бы оставался социализм, исключив главную ошибку — богоборчество и разрушение храмов — это было бы идеально, так? Это последние годы жизни Сталин стал понимать. Не всё время. А вот после войны и отношение к русскому народу у него изменилось, и подъём церкви начался. И если бы эта традиция была продолжена. Но, увы! Почему пришедший русский мужик Хрущёв — ведь его-то евреем не назовёшь, а затем и русский мужик Брежнев это сталинское возрождение напрочь уничтожили?.

В.С. А потому это произошло — и вот тут мы с тобой вышли на главное, что разрушая храмы, мы породили таких людей, как Никита Хрущев, — себялюбивых, эгоистичных, часто безграмотных. Ведь это высшая философия, высшая культура — вера. Почему Сталин запретил разрушать храмы? Если мне память не изменяет, 6 октября 1939 года он подписал постановление о том, чтобы прекратить разрушение храмов, считая их памятниками высочайшей культуры. Потому что он в семинарии. Он понимал это, преодолел свое безверие. Но пришли такие, как Хрущёв (Брежнев куда более сдержан был в этом вопросе), и опять началось разрушение. Они и были воспитаны на атеистической митинговости — "Долой попов!". Совсем как у Владимира Ильича. Откуда у него такая ненависть к храмам, к священнослужителям? Как у него поднялась рука разрушить храм — ведь это прежде всего красота какая! Потом, храм входил и в пейзажную красоту.

В.Б. Да ты пойми, это богоборчество не Ленин придумал. Это была главная тенденция русской интеллигенции начала XX века. Практически в большинстве своём русские интеллигенты чуть ли не с пушкинских времен были явные атеисты, если не сказать более. И Ленин был всего лишь представителем русской интеллигентской традиции, которая боролась, начиная со времён Чернышевского и Писарева, с христианством. И успешно доборолась. Вот проблема: почему русская интеллигенция традиционно, и в царское время, и в советское время, если не выступала против народа, то по крайней мере почти презирала его, а также все его вековые ценности — национальные традиции, православие?

В.С. Я думаю так. Идёт к власти лидер, идёт со своей программой — политической, экономической, державной. Естественно, он выбирает из истории, из поколения, из времени своего такой состав интеллигенции, который соответствует его устремлениям, работает на него. Ведь у каждого из наших гениев бывали и ошибки, сомнения, моменты заблуждений. Их же можно абсолютизировать. Разве у Пушкина не было таких скользких критических моментов? Но он не богоборец. Даль вообще о нём говорит: "Умер как православный, светлый человек...". А самый религиозный поэт, знаешь, Володя, кто? Вот я перечитывал его недаено — это Лермонтов. Или, скажем, Некрасов, тот же Бунин, Гумилёв, Северянин. Но власти на его от того креста, на который он идёт. Вот так я считаю. Таких поэтов у нас почти нет. Потому что до сих пор в литературе разгильдяйство, с одной стороны, и безбожье, с другой. Знаешь, что я хочу тебе сказать, если бы мы были религиозны, мы бы компартию не потеряли. Правда, коммунисты были бы другие. Когда я пришёл в райком партии, мне говорят: "Возьми свою карточку назад!". А я написал 3 сентября 1990 года: "Генеральный секретарь ЦК КПСС предал и развалил мою партию. Президент СССР Михаил Горбачёв предал и развалил мою Родину. Валентин Сорокин". Написал это на партбилете. И вот таким образом нас разорвали, разделили. И получается так, что из одного человека сделали два, из одной совести сделали две, из одной души сделали две. Вот поэт и должен собирателем быть, собирателем слез народных, радости народной, гордости народной. И ещё вот что я тебе скажу. Не случайно у меня "Стенька Разин" — поэма, "Евпатий Коловрат" — поэма, "Пугачёв" — поэма, "Курчатов" — поэма, "Дмитрий Донской" — поэма, "Маршал Жуков" — поэма. Это — любовь моя. Когда работал над "Дмитрием Донским", я только подумал, что если бы они прожили по пятьдесят лет хотя бы, тогда меня бы только двенадцать человек отделяло от них, а если по сто, то всего шесть поколений назад. А я ведь просто слушал их сквозь поколения. Вот таким должен быть поэт. Ничего не предавать, ничего не прощать, что совершается позорного или кровавого над головой народа. Он должен быть внутри

своего народа, как душа в нём.

В.Б. Что такое русская литературная традиция? Посмотри на XX век. У нас утвердилась уже как бы официально знаменитая обойма начала XX века: Пастернак, Мандельштам, Цветаева, Ахматова. Потом, в шестидесятые годы, утвердились Ахмадулина, Евтушенко, Вознесенский, Окуджава и так далее. А поэты русской национальной школы как бы традиционно на втором плане. Даже Хлебников Велемир со своими экспериментами для либеральной элиты чересчур русский. И Николай Клюев. Прорвался лишь Николай Рубцов в наше время, как Сергей Есенин чуть раньше. Потому что песенной своей стихией в песенную же душу русского человека влез. И вот так почти вся традиционная русская поэзия всегда в тиши оставалась и почему-то замалчивалась. Чем это объяснить? И всё-таки, что определяет традиции русской поэзии?

В.С. Если завтра средства нашей массовой информации будут в руках культурных, национально мыслящих русских людей, то всё изменится. Нет русской избы, нет русской квартиры, в которой бы не знали наизусть Есенина. Такого человека я в своей жизни ещё не встречал. Естественно, я считаю Мандельштама действительно лиричным поэтом. Но и он, и Роберт Рождественский, и другие перечисленные знаменитости литературные издаются сейчас гигантскими тиражами, а у Василия Фёдорова, например, тираж всего три тысячи. Кому это выгодно? Наши средстеа массовой информации настолько однобоки и космополитичны, что мы по телевидению никогда не услышим хотя бы нас, например. С нашим остро национальным диалогом. Не пропустят нас ни на экран, ни в печать свою. Они настолько однобоки. И эта однобокость делает своё чёрное дело. Вот, положим, Пастернак — вроде бы талантливый, но я не смогу его сравнить с Гумилёвым, таким распахнутым, летящим — настоящим национальным поэтом. Или Хлебников — тоже национальный поэт. Он как будто из пшеничного поля поднялся. Он в облаках каких! Весь он свой: и в небе свой, и на земле свой. А

то. И всё стало хорошо. А пришёл плохой — всё валится. Может быть, надо всё-таки менять такую систему. То, что Александр Солженицын предлагает постоянно. Не так, может быть, и глупа идея создавать земскую структуру и мощную местную систему власти и правления, чтобы независимо от того, кто во главе страны стоит, умный или дурак, всё равно система бы держалась и развивалась, а не разваливалась от каждого нового прикосновения. Вот в Америке, мне кажется, несмотря на то, что мы её можем ругать за ее осознанную антирусскую политику, но система-то власти настолько гибкая, что поставь какую-нибудь обезьяну президентом, всё равно ничего не изменится и страна не развалится. Всё будут контролировать сенат, конгресс, ещё кто-нибудь. И по-прежнему экономика будет развиваться нормально. А у нас поставь во главе гориллу, так сразу же всё и исчезнет, рухнет. Так, что ли? Может быть, ставка на одного человека — это какая-то ошибочная русская ставкв? Это говорит о внутреннем монархизме русского человека. Может, нам не надо для изменения правления идти по пути Америки или Европы, достаточно восстановить древний русский путь, путь Пскова и Новгорода? Может быть, если бы нам татары не помешали, и мы бы развивались по древнему русскому пути, такое бы самоуправление крепкое развили, что монархичность, когда всё держится на одном князе, монархе, царе, генсеке, нам бы и не помешала, как не мешает Англии или Норвегии, Бельгии или Дании? Вот Путин оказался, извините, ничтожеством — и всё валится. А если бы Путин оправдал наши с тобою надежды, то мы бы кричали ему "ура" и утвердили бы его всевластие на всю жизнь? Так может быть, изменить саму систему, чтобы не зависело всё от Путина, Ельцина и кого угодно другого, то есть уничтожить всевластный монархизм в русской душе?**

В.С. И в Америке, и во Франции правят не короли или министры, правят финансовые группы. И у нас сейчас также. Другое дело, должен прийти человек, понимающий и трагические, и смешные, и традиционно-исторические условия, в которых формируется русский народ. Мы говорим часто, допустим, о русском национализме или о татарском. А давайте вспомним, кто у нас занимается национальными проблемами? Если честно говорить, то вряд ли сыщешь такие другие два народа в Европе, которые так тесно были связаны друг с другом, как наши, так побратались через общепролитую кровь. Ты посмотри, в Казани идёт Равиль — татарин, а лицо Есенина. Или вот я, допустим, перед тобой сижу. Меня часто спрашивают, не мусульманин ли я. А я ведь русский человек. Мы не можем быть ни политически, ни державно разноголосы. У нас должен быть единый народ, настолько мы уже взаимно проникли друг в друга. Иначе рассыплется наша Родина. Я приехал на Горный Алтай, сидим, выпиваем. Сидят со мной рядом старые-старые люди и говорят: "Вот ты русский человек. Зачем вы нас, русские, предали? Вы нас бросили". Я приехал в Хакасию — опять те же самые разговоры

Мы переговорили бы во всех аудиториях со всем народом, разных возрастов и поколений. А за чаем мы бы решали свои наболевшие вопросы: в русские меня вот тут обидели, а евреи меня вот тут обидели, а коми меня вот тут обидели. Но мы бы всё это проговорили, всё разрешили. После нас попробовал бы кто-нибудь призвать: "Долой русских!", да на него бы посмотрели как на сумасшедшего. Но мы так делали в Татарии при советской власти, в Башкирии, в Узбекистане — везде, кудв попадали. Это были скрепы духовные. А переводческая школа? Не было семьи, где бы не слышали стихов Расула Гамзатова, Мустая Карима и других наших крупнейших поэтов. А сейчас — выходит сборник, допустим, тысячным тиражом. Раньше выходил сборник, предположим, братьев Даниловых — поэта и прозаика, якутов — трёхсоттысячным тиражом. "Роман-газета" — 7-8 миллионов экземпляров, до 10 доходило. По сути дела, каждый человек, чувствующий слово, имел возможность её приобрести. Сегодня же многое из того, что выходит, только на московский рынок и попадает. Мы отобрали у людей слово, мы слово посадили в клетку — это страшное дело. Писатель ведь такой человек, что сегодня он говорит с президентом, завтра — со слесарем, послезавтра он говорит с человеком, который сидит в тюрьме. Литература становилась храмом, вместо разрушенных физически храмов. Она была в какой-то мере и молитвой, и надеждой нашей. Читаешь Бунина, и даже Андрея Платонова, посмотри, какая там утонченность, какое слияние ощущений, наитий храмовых и твоего слова, твоей воли. Нет, взяли всё и разрушили.

В.Б. А кстати, кто твои любимые писатели? Кем ты в юности подпитывался? Кто на тебя влиял?

В.С. Я очень люблю Бориса Можаева. Ивана Акулова считаю великим писателем-страдвльцем. Очень люблю и горжусь стойкостью его, мужеством его. Ивана Шевцова ценю и как друга, и как человека, и как писателя: три войны пройти, не оступиться, не поступиться ничем, пронести эту верность. Фёдор Абрамов — любимый мой писатель. Многие вещи раннего Виктора Астафьева люблю и принимаю. У меня с ним были хорошие отношения. Он мне как-то однажды сказал: "Валя, если бы меня меньше травили, я был бы иным писателем". Как теперь мне кажется, несколько добрее. Мы с ним спорили всё время. Это у нас тоже есть — не успеет человек сказать не то междометие, как уже обрушивают на него проклятия: "Ах, предатель!". И самый мой дорогой писатель из действующих — Юрий Бондврев. Самый мой любимый роман у него — "Берег". Я его читаю, как поэму. Эта книга у него, как оратория. Он отличается от многих прозаиков поэтичностью своих романов. Потом-то я узнал, что он и начинал как поэт. Из моего поколения ещё — Анатолий Жуков, Александр Проханов, очень сильный прозаик и, конечно, он оставит в литературе след от всего нашего пережитого, от этого горя нашего. А какой блестящий публицист — какая отвага! Какая боль! Боже мой! Недавно читал его передовицу в дороге. Так хотел прямо сразу и телеграфировать ему свои восторги и поддержку. Такими мы должны быть. Из более молодых — Володя Личутин, многие его вещи. Ну вот, назвал тебе своих самых дорогих. А вообще, я тебе должен сказать, Володя, я сам, о многих из них написал. Ты тоже о многих и разных русских талантах пишешь, ты должен подтвердить мою мысль: сколько надо доброты накопить, сил накопить, чтобы говорить о других.

В.Б И терпения. И ласки. И чувства прощения — умения прощать других.

В.С. Да-да! У меня очерки о Проскурине, об Астафьеве, об Акулове, о Шевцове, об Абрамове, о Пикуле. Из поэтов — об Исаеве, о Васильеве, о Кедрине, о Ручьёве, о Гумилёве, о Клюеве, о Хлебникове. И я не могу так просто отписаться. Я обязательно напишу портрет, то есть должен максимально полно о человеке высказаться. И ты сам знаешь, как это тяжело.

В.Б. А ты родился и вырос где?

В.С. Я родился в селе Ивашлак, в Башкирии. Оттуда переехал на Урал. После семилетки устроился на ЧМЗ — челябинский металлургический завод. Электромашинистом, потом работал в мартене. Ты сам инженер, должен меня понимать. Допустим, я менее образован, чем какой-то доктор филологических наук. Но этот доктор тоже не знает, что такое мартен, не знает, что это за ярость, что за красота. Когда я обжигал свои зрачки — куда ни повернись — огонь и железо, но всё равно это прекрасно. Потом, Володя, когда я слышал, как ворона каркает, или как соловей поёт, или цветок пахнет, я после смены ночной падал в траву в лугах и плакал оттого, что есть они: земля есть, речка есть — эта великая и вечная сила!

В.Б. Ну а как ты пришёл в поэзию?

В.С. В поэзию я рано пришёл. Писать начал ещё до семи лет. А в седьмом классе уже печатался в районной газете. Когда работал металлургом, тогда уже тем более печатался и даже книги издавал. Помогали Ручьёв, колымчанин, Татьяничева Людмила Константиновна, Марк Гроссман, Александр Коркин. Хоть я и печатался, но членом Союза, конечно, ещё не был, а очень хотелось. Я рукопись стихов собрал е посылочку — и Василию Дмитриевичу Фёдорову. И написал ему записочку: "Я, такой-то и такой, работаю там-то и там, пишу то-то и то. Если я графоман — не отвечайте, не обижусь. Но если я человек дароеитый, а вы не ответите, то я очень на вас обижусь". Прошло месяца четыре — ни ответа, ни привета. Я загрустил, и в бригаде моей тоже загрустили — значит, Валька графоман, хоть и печатается. И вот 7 ноября, как сейчас помню, заглядываю я, по обыкновению, в ящик почтовый по пути на утреннюю смену, а в ящике такая цветастая бумажка лежит — телеграмма: "Дорогой

СЛОВО ВЕЧНО

БЕСЕДА С ВЛАДИМИРОМ БОНДАРЕНКО

ской интеллигентской традиции, которая боролась, начиная со времён Чернышевского и Писарева, с христианством. И успешно доборолась. Вот проблема: почему русская интеллигенция традиционно, и в царское время, и в советское время, если не выступала против народа, то по крайней мере почти презирала его, а также все его вековые ценности — национальные традиции, православие?

В.С. Я думаю так. Идёт к власти лидер, идёт со своей программой — политической, экономической, державной. Естественно, он выбирает из истории, из поколения, из времени своего такой состав интеллигенции, который соответствует его устремлениям, работает на него. Ведь у каждого из наших гениев бывали и ошибки, сомнения, моменты заблуждений. Их же можно абсолютизировать. Разве у Пушкина не было таких скользких критических моментов? Но он не богоборец. Даль вообще о нём говорит: "Умер как православный, светлый человек...". А самый религиозный поэт, знаешь, Володя, кто? Вот я перечитывал его недавно — это Лермонтов. Или, скажем, Некрасов, тот же Бунин, Гумилёв, Северянин. Но власти на них не опирались. Давайте хоть сейчас обопрёмся. Естественно, революция не произошла бы, если бы все в народе были довольны, и об этом не стоит забывать. И делать вид, что при царе всё было свято и незыблемо. Была и нищета, был и голод, еще помнили крепостное право. Народ терпел, но не забывал. Другое дело, как использовали плоды этой самой революции? Или, допустим, мы говорим, был у нас Маркс, есть у нас Ленин. А гениального философа Ивана Ильина часто мы не называем совсем. Володя, я его читаю однажды и думаю: "Господи, ведь 1948-й год. Мы — победившая страна, и всё нормально. А он пишет прогноз: через сколько лет развалится СССР. И знаешь, какая главная мысль там у него? Как только СССР прекратит воевать с внешними врагами, под давлением внутренних своих несоответствий и неурядиц он распадётся. Чем мы его сейчас опровергнем? Ничем. Поэтому говорить, что вся интеллигенция помогала развалу страны в начале века, мне кажется, неверно. Даже Белинский очень разный был. У него есть и чисто православного характера вещи. Нас воспитали так на богоборцах не потому, что не было других примеров достойных, а совсем по иной причине. Я очень уважительно отношусь к нашему прекрасному публицисту Владимиру Бушину. Но вот его заколодило, и он взял да и облил грязью митрополита Иоанна. Зачем? У каждого из нас, воспитанных в атеизме, были такие моменты. Мать моя, воспитанная в православии, в таких случаях останавливала меня: "Сынок, ну что тебе Христос плохого сделал? Ну, ты подумай, где он перешёл твой путь?"

В.Б. Какое всё же место русского писателя в этой действительности, Валентин? В чём долг, право и обязанность его?

В.С. Я считаю, судьба писателя, нашего литератора и вообще русского человека — груз тяжёлый, горький, ежедневный. Вот у Максима Горького была примерно такая мысль, что по жизни меня сопровождали люди талантливые, но сделал из меня писателя прежде всего труд и труд — чёрный труд. Я считаю: первое — впереди тебя прошедших ты должен беречь. Для меня имена Ивана Акулова, Ивана Шевцова, Юрия Бондарева, Бориса Можаева, Василия Фёдорова — учителя моего — святые имена. Я никогда не подниму руку на них. Пока живой, я буду их славить, восхвалять, боготворить. Они столько пережили. Это воевавшие люди. Если Фёдоров и не был непосредственным участником войны, то он три или четыре раза рвался в добровольцы, но он работал на авиационном заводе, оттого его и не взяли. Ну, как его не любить. Итак, впереди прошедшие для меня святы. Они мудрее меня, достовернее меня, достойнее меня — это моя первая заповедь. Вторая — не кочевряжься, поэт, писатель, а посмотри в глаза этим старухам одиноким, которые сыновей потеряли, которые внуков сейчас в Чечне теряют. Ты посмотри, как они в вагоне метро сейчас едут, в электричках сидят. Ты посмотри на эти лица. Это совершенно другие люди. Они, как отравленные птицы, которые взлететь не могут, отяжелённые этим горем. Деревня ими потеряна, отец потерян, муж потерян, сын потерян. Как же я должен смотреть на них? Да как на святых. Мы говорим: священник — святой человек. Почему он стал святым? У священника не больше груза, чем у поэта. Священник стал святым, потому что пренебрёг всеми неправдами, копил в себе силы, чтобы крылья взрастить, чтобы взлететь, стать независимым. Вот таким и поэт должен быть. Он среди своего народа должен стать редко улыбающимся. Он должен быть колким, пронзительным, проницательным и не кичиться этим, но знать, что он незыблем и никто не посмеет переделать его, никто не посмеет повернуть

В.С. Если завтра средства массовой информации будут в руках культурных, национально мыслящих русских людей, то всё изменится. Нет русской избы, нет русской квартиры, в которой бы не знали наизусть Есенина. Такого человека я в своей жизни ещё не встречал. Естественно, я считаю Мандельштама действительно лиричным поэтом. Но и он, и Роберт Рождественский, и другие перечисленные знаменитости литературные издаются сейчас гигантскими тиражами, а у Василия Фёдорова, например, тираж всего три тысячи. Кому это выгодно? Наши средства массовой информации настолько однобоки и космополитичны, что мы по телевидению никогда не услышим хотя бы нас, например. С нашим остро национальным диалогом. Не пропустят нас ни на экран, ни в печать свою. Они настолько однобоки. И эта однобокость делает своё чёрное дело. Вот, положим, Пастернак — вроде бы талантливый, но я не смогу его сравнить с Гумилёвым, таким распахнутым, летящим — настоящим национальным поэтом. Или Хлебников — тоже национальный поэт. Он как будто из пшеничного поля поднялся. Он в облаках каких! Весь он свой: и в небе свой, и на земле свой. А взять того же Евтушенко. Ведёт он свой вечер в Кремле, и этот самый Задорнов с ним, который ненавидит русский народ. Ты посмотри только, как он говорит о русском человеке: и ест он не так, и блюдо заказывает не то, и пьёт не так. Всё ему не нравится. Их слушать невозможно, какая невнятная пропагандируется к русскому народу всей этой гоп-компанией. Я их не могу назвать юмористами. Вот говорит Петросян: "Да у нас от бабушки остались одни зубы". Ты скажешь так о своей бабушке? Так и во многих стихах названных тобою поэтов много книжно-рационального, как, положим, у Бродского, — поэта, не слышащего музыки поэзии, не слышащего завывания, плача русской вьюги, свиста крыльев орлиных. И вот когда ты вдруг сравниваешь Бродского с Кузнецовым, я думаю, Володя Бондаренко просто делает это, чтобы провокационно вызвать серьёзный разговор на несогласии с ним...

Сделать наши средства массовой информации истинно русскими — что ты! Ни завтра, ни послезавтра наши правители не пойдут на это. Надо же русский народ держать в узде и вне национальных порывов. Если ему позволить подняться и сказать свою правду, то этих воробьёв, уничтожающих русский народ, уже не было бы. Мы бы даже за пределами России не нашли бы их перышки.

В.Б. Ты, Валентин, обозначил всех наших бездарных правителей. Можно их и сегодняшним президентом продолжить. Но поразительно, я сейчас скажу тебе крамольную мысль: величия Россия достигала, когда были во главе ее или грузин Сталин, или немецкие наши императоры. Получается, что нам надо вновь или немца, или ещё грузина, или Рюрика позвать: "Приходите, володейте! Земли наши зело богаты и обильны". Так, что ли? А когда приходит русский — Горбачёв ли, Путин ли, Хрущёв, то получается какой-то хаос, анархия вплоть до развала державы. Может быть, мы великий народ, но мы лишены чувства власти?

В.С. Нет, мы были сильным государственным народом, даже ещё и при Хрущёве. Мы не были таким бессильным народом. И наряду с авантюризмом Хрущёва рядом с ним были сильные талантливые руководители как отраслей промышленности, так и сельского хозяйства, которые не позволяли стране опуститься в хаос. А теперь — Сталин. Что значит быть русским человеком? Откуда мы знаем, кто в нас глубине сидит. Может быть, во мне перс сидит или в тебе, положим. Также и Сталин был, несмотря на всё, видимо, сугубо православным человеком в первую очередь. Воспитанным всё-таки в вере. Потом, ведь и среди русских были прекрасные цари: Пётр I, Александр III...

В.Б. Но они же были немцы? В них текла немецкая кровь.

В.С. Ну и что. Мы не можем так судить безапелляционно. Вот Ира — жена моя. У неё мать русская, отец — немец. И что теперь. Она — городской человек, а землю любит так, что мне, деревенскому, и не снилось. А она, как курица, в этой земле копается, я не могу её оторвать. А если немцы и правили, так они были настолько проникшие Русью, что казались более, чем своими. Как это — "затерялась Русь в мордве и чуди." Вот так. Я считаю, что если бы завтра пришёл образованный, не боящийся этой молвы, не прячущийся за грязные лукавые антиеврейские и антирусские лозунги, мощный, яркий, громкий, мудрый русский человек, всколыхнулось бы всё, всё бы пошло в сторону скорейшего развития.

В.Б. Еще один коварный вопрос. В России всё вечно держится на одном человеке. Может быть, в этом и есть наша беда? Пришёл хороший, мощный лидер — Пётр, Сталин, ещё кто-

о предательстве. "У нас много православных, — говорят хакасы, — но нас изгоняют из всех храмов, устраивая там какие-то секты. Турция организует свои религиозные школы, а нам места нет". Мы исторически уже тысячу лет вместе. Вот бурят. Да, у него глаза иные, чем у нас, русских, но душа-то у нас давно общая, характер единый. Конечно же, со своим национальным оттенком, но практически уже единый. Ведь пережить столько вместе: эти войны, это строительство, эта боль друг за друга, боль за Родину. Поэтому во главе нашего государства должен быть один человек. Мощный и умный. Вокруг которого уже команда сплотится своя. А то я смотрю на Матвиенко. Ну, что она может сделать? А министр обороны Иванов? Они ничего не сделают со своим "богатым" потенциалом. Я не хочу о них говорить плохо. Но я бы на их месте просто отказался от руля, да и всё. А завтра приди в Кремль мощный человек — всё будет иначе. Мы такую страну заболтали и делаем вид, что ничего не происходит. Нам навязали проблемы Калининградской области, Крыма. Где наш Крым? Украина — братская, а младший брат должен уступить старшему. Почему этого не происходит? Все только от России ждут подарков. Чувствуется по настроению нашего Кремля, что мы и Калининград скоро сдадим. Или Сахалин. Сколько русской крови там пролито. "Чужой земли нам не надо, но и своей ни пяди не сдадим", — державно говорил Сталин. Народ бы встал. Нам нужны единое лицо, единый характер, единая воля — единая Россия многонародная. Да здравствует! И — вперёд! Больше нам ничего не нужно. А иначе нас так и будет качать, как в поганом ведре.

В.Б. Ну и как ты думаешь, произойдёт это единение или нет? Ты оптимист или пессимист?

В.С. Я верю, что через какое-то время, через мучения наших народов, может быть, даже ссоры, но единение все равно произойдёт. Потому что невыгодно нам жить порознь. Всем невыгодно. И украинцам, и казахам, и белорусам, и молдаванам. Что значит, в Чечне десять лет не могут закончить войну? Они её никогда и не закончат, если нас так будут ссорить с мусульманами. Я абсолютно убеждён, что мы ещё некоторое время помучаемся и, не дай Бог, ещё и навоюемся друг с другом, но непременно придёт человек — исстрадавшийся, сильный, многодумный, с огромной волей. И возродит не только русский народ, а все народы. Мы обнимемся, мы поднимем тост за великую Россию. Этому быть. И не миновать этого.

В.Б. Вернёмся к нашей литературе. Сегодня слово писателя почти не звучит. Как ты считаешь, почему это произошло, и веришь ли ты, что когда-нибудь опять настанут такие времена, когда можно будет опять сказать: "Поэт в России больше чем поэт"?

В.С. Почему произошло это разъединение? Мы говорили о газете "Завтра". Это единственная общенациональная центральная газета. Потому что в ней говорится о наших общих бедах, о русской трагедии. Видишь, как тяжело, когда разрушили журналы, разрушили жизнь нашу литературную — разрушили самое главное. Мы бы с тобой поехали сейчас в Коми и провели бы там День литературы Республики Коми. Да ещё бы литераторов 20 с собой захватили. На каждом заводе, в каждой школе выступили бы. И кто бы нас сопровождал? Наши братья коми: поэты, прозаики, публицисты, критики.

сле смены ночной падал в траву в лугах и плакал оттого, что есть они: земля есть, речка есть — эта великая и вечная сила!

В.Б. Ну а как ты пришёл в поэзию?

В.С. В поэзию я рано пришёл. Писать начал ещё до семи лет. А в седьмом классе уже печатался в районной газете. Когда работал металлургом, тогда уже тем более печатался и даже книги издавал. Помогали Ручьёв, колымчанин, Татьяничева Людмила Константиновна, Марк Гроссман, Александр Коркин. Хоть я и печатался, но членом Союза, конечно, ещё не был, а очень хотелось. Я рукопись стихов собрал в посылочку — и Василию Дмитриевичу Фёдорову. И написал ему записочку: "Я, такой-то и такой, работаю там-то и там, пишу то-то и то. Если я графоман — не отвечайте, не обижусь. Но если я человек даровитый, а вы не ответите, то я очень на вас обижусь". Прошло месяца четыре — ни ответа, ни привета. Я загрустил, и в бригаде моей тоже загрустили — значит, Валька графоман, хоть и печатается. И вот 7 ноября, как сейчас помню, заглядываю я, по обыкновению, в ящик почтовый по пути на утреннюю смену, а в ящике такая цветастая бумажка лежит — телеграмма: "Дорогой друг, поздравляю тебя с днём Октябрьской Революции, с прекрасной книгой стихов, которая пошла в набор в "Советском писателе". Срочно приезжай! Василий Фёдоров". Ну, для меня, знаешь, что это было? Даже сейчас мне тяжело об этом говорить без волнения. Я прихожу в мартен, переоделся в спецовку и к начальнику смены с этой телеграммой. Он тотчас же освободил меня от работы, вызвав сменщика. Да, это был праздник для всего нашего цеха, они все болели за меня душой. А потом я приехал к Фёдорову в Москву. Долго стоял у двери. Наконец, осмелился. Открывает мне дверь красивый седой человек в костюме. Увидел меня и, знаешь, что сказал: "Лара, на нём лица нет! Дай ему водки!" Она вынесла целый стакан. И дала мне одну клубничку. Я выпил, заел этой самой клубничиной. Он посмотрел на меня одобрительно так и сказал: "Ну, теперь заходи!" И с приглашённым позже Семёном Шуртаковым мы потом всю ночь пили и говорили, и я им читал стихи. Так меня через месяц и в Союз приняли. И я ещё раз хочу подчеркнуть, что впереди нас с тобой идущий человек, Володя, был и смелее, и благородней! Он перенёс уже это горе, а мы только по его следам идём. Судьба так распорядилась, что я провожал Василия Дмитриевича и в последний путь. Лариса Фёдоровна, Ирма плачут, а я им говорю: "Не плачьте! Посмотрите, какой красивый он лежит". Они посмотрели: " Ох, и правда, красивый!" И радостно так успокоились. После похорон и поминок в Доме литераторов хлынул такой дождь. Эта примета благая — Бог как бы взял во внимание пришедшего к нему человека. Я нигде никакой слабинки во время похорон не допустил, но когда в своей "Ниве" ехал по скоростной дороге уже после поминок, я заплакал. Слезами благодарности, слезами уважения к своему учителю. Слезами невозможности изменить случившееся. Вот так я и жил. А любил я многих своих старших товарищей.

В.Б. Ты считаешь свою судьбу уже удавшейся? Ты уже сделал, что хотел? Или многое ещё осталось как бы недописанным, недоговорённым?

В.С. Скажу тебе честно. Судьбу свою считаю состоявшейся. Поэтом считаю себя очень русским. Очень устойчивым человеком, прошедшим через все ветра. Да здравствует родное русское бессмертное слово. Как у меня дальше сложится? Я считаю себя поэтом, который пережил очень много, потому что мама моя родила восемь детей, и три брата у меня погибли. Один брат погиб на моих глазах. Мне было 9 лет. А он работал в карьере, добывал камень для строительства. Карьер обрушился, и я увидел, как его заваливает. Шёл ему семнадцатый год. Вот я в тот миг и повзрослел, и постарел до его возраста. Все его друзья стали моими друзьями. И не случайно я тебе называю людей — а они все мои друзья, — которые на 10, 15, а то и 20 лет меня старше. Так уж сложилось. Считаю себя незыблемо национальным русским поэтом. У меня книга есть "Крест поэта". Она посвящена русским поэтам, русской истории, русской трагедии. И ещё вот что, когда я встречался с национальными нашими братьями, а я всю жизнь связан с ними, то они мне говорили: "Слава Богу, Валентин, что ты такой русский. Мы очень тебя уважаем за это. И знаем, что ты тоже не можешь нас не уважать и не можешь быть чужим нам". У Павла Васильева "Снегири взлетают красногрудые", помнишь, кто вынес эти чудные стихи и спас их для нас? — еврей, которого потом за это и посадили. Ещё раз повторяю, человек, влюблённый в свой народ, коленопреклонённо будет относиться к любому другому народу, потому что плохого народа нет. А подлецов у каждого народа всегда с лихвой хватает.

Владимир **БОНДАРЕНКО**

КТО ЖЕ ФАШИСТ?

ШВЫДКОЙ – ПРОВОКАТОР АНТИСЕМИТИЗМА В РОССИИ

Уверен, что на минувшей неделе в России стало как минимум тысяч на десять антисемитов больше. Самые простые русские обыватели, простые чиновники и даже кое-кто из интеллигентов, искренне старающихся не только внешне, но и в душе своей симпатизировать евреям как одному из умных и деловых народов, просмотрев передачу по программе "Культура", которая называлась просто и без затей "Русский фашизм страшнее немецкого", сказали себе: "Хватит, сколько же можно унижать мое достоинство! Почему на государственном канале, в программе, которую ведет член правительства России, министр культуры, — три еврея спокойно, на всю страну обсуждают как аксиому, что русский фашизм страшнее немецкого? Они хоть понимают, что творят? Пусть и Немцов, и Швыдкой, и примкнувший к ним Павловский возвращаются, в таком случае, в Дахау и Бухенвальд, в Освенцим и Майданек. Они же сами заявляют, что во времена фашистской Германии было не так страшно, как ныне у нас в России".

И обыватель, и чиновник, и интеллигент, и работяга, и безработный могут подумать: "Это же оскорбительно для всех евреев мира — заявить, что немецкий фашизм совсем не опасен и не страшен! А шесть (или сколько там?) погибших миллионов евреев не возопили из могил после таких утверждений? Их гибель, значит, не страшна Немцову и Швыдкому? Ведь "русские фашисты", если они существуют в природе, еще ни одного человека не убили и даже ни по одной морде не надавали, а уже страшнее всего того, что немецкие фашисты натворили с 1933 по 1945 годы во всем мире! Может быть, Немцов со Швыдким желают, чтобы русские евреи все там и оказались — в нестрашном немецком фашизме, грелись где-нибудь у теплых печей крематория? Как еще можно иначе понять их зловещее утверждение? Если утверждается, что русский фашизм страшнее немецкого, понятно: речь идет о том немецком фашизме, который царил над Европой в сороковых годах. И который был уничтожен прежде всего усилиями русских воинов. Непонятно только, где наши Майданеки и в какую газовую камеру боится попасть Борис Немцов? Непонятно к тому же, почему почти вся финансовая элита России — сплошь Ходорковские и Фридманы, Абрамовичи и Чубайсы? И они почему-то не боятся и не спешат убежать из страны, где царит "русский фашизм страшнее немецкого".

Эта устроенная Немцовым и Швыдким провокация по уровню своему не ниже поджога рейхстага. Она будет откликаться в душах миллионов людей — и русских, и евреев — еще не один год. И неизвестно как откликаться. Если правительство России и лично президент России не выскажутся по поводу чудовищного утверждения члена правительства Швыдкого, что "русский фашизм страшнее немецкого", — значит, и Владимир Путин того же мнения о своем народе? Кто додумался собрать в телезал уйму самых разных и по возрасту, и по позициям, к тому же в основном людей одной нации, и вещать на всю Россию всему русскому народу о том, что "русский фашизм страшнее немецкого"? Это звучало как бы от имени евреев. Они что, на самом деле этого утверждения добиваются? И что делал в этом зале русский философ Александр Дугин? Интересно, пришли бы умные и порядочные евреи на телепередачу "Еврейский фашизм страшнее немецкого"? И что было бы с министром культуры любой страны, если бы он устроил такую передачу в прямом телеэфире? Представьте, что передачу вели бы три нееврея, один из которых министр культуры, второй — глава думской фракции, а третий — идеолог при президенте. И передача называлась бы не "Русский фашизм страшнее немецкого", а ... Оставим даже в стороне еврейский народ, представим, что передачу на государственном телеканале ведут министр обороны Иванов, глава думской фракции Зюганов и идеолог митрополит Кирилл, и они обсуждают тему "Грузинский фашизм страшнее немецкого". Кто-нибудь может в такое поверить? Во-первых, грузинский народ никогда, до конца дней своих, не забыл бы о такой передаче. На следующий же день сотни тысяч русских грузин вышли бы на улицы Москвы и других городов. Грузия бы обратилась в ООН, Совет Европы и еще куда угодно, и была бы права! И еще вопрос нашему бывшему соратнику Александру Гельевичу Дугину: пришел бы грузинский философ или политик на обсуждение подобной темы? И что бы потом с ним было?

Мне кажется, министр обороны Сергей Иванов скорее подписал бы какой-то приказ военного характера относительно Грузии, чем решился утверждать, что "грузинский фашизм страшнее немецкого". Еще военную операцию можно как-то объяснить и оправдать — а вот унижение народа, к тому же необоснованное, не прощается никогда и никем... Увы, за исключением народа русского. Но до каких же пор мы будем унижаться? Черчилль правильно сказал: в Англии нет антисемитизма, потому что англичане не считают себя ниже евреев. Но именно поэтому вряд ли по Би-би-си возможна передача, которую вели бы три английских еврея, о том, что "английский фашизм страшнее немецкого". Сколько же можно испытывать наше русское терпение?!

Есть ли в передаче хоть какое-то обоснование темы, какие-то доказательства? Сколько лет можно показывать одну и ту же баркашовскую тусовку десятилетней давности? Кому выгодно их популяризировать? К чему подавать фашистские зверства под музыку русских композиторов? Зачем осознанно собирать в аудиторию сливки еврейской интеллигенции и нагнетать антирусские настроения, атмосферу страха и неуверенности в завтрашнем дне? Может быть, заказ на передачу пришел из Израиля, и даже оплачивался израильскими компаниями с простой целью: ускорить выезд из России в Израиль остающихся и верящих в Россию как в свою родину евреев?

Окончание на стр. 8

ЗАВТРА · № 40(463)

салон

КТО ЖЕ ФАШИСТ?

Окончание. Начало на стр. 7

Такая передача не нужна ни евреям в России, ни русским, ни другим народам!.. Ощущение такое, что Немцов и Швыдкой — впрочем, и подыгрывающий им Павловский — что-то такое знают о нашем будущем, о чем мы еще не догадываемся. О чем? О жутком скачке цен, о надвигающемся голоде, о грядущем вымерзании? Недаром Немцов все время твердил, что этот страшный русский фашизм — результат обнищения и бесперспективности жизни. Может, он говорил о нашем будущем? И как об опасности — о возможности возникновения русского капитала, который бы оплачивал русскую национальную политику? Может, эта передача каким-то боком должна ударить по Сергею Пугачеву и другим православным русским промышленникам и финансистам? Мол, в России даже теоретически не должно быть крупного русского национального капитала?

Но и в этом случае, так же, как в случае с возможной кампанией по переселению евреев в Израиль, эти потаенные цели не оправдывают того главного эффекта, который произвела передача. С кем бы я ни говорил о ней, все понимают, что в России никакого фашизма не было, нет и не может быть. Все поражены этой гиперболизацией, а главное, сравнением мнимого мифического фашизма с тем фашизмом, который унес десятки миллионов жизней в России, — понимают, что такое сравнение преступно. Понимают, что сама возможность такой передачи по государственному каналу говорит о полном отсутствии какой бы то ни было угрозы с русской стороны! Скорее — об униженном состоянии русского народа, который его же министры, а значит, его правительство, его власть сравнивают с бандой убийц. Что же это за правительство, которое называет свой собственный народ преступным? И что это за народ, который такие оскорбления терпит? И имеют ли право представители любого иного народа называть русский народ преступным и фашистским? И найдутся ли тот суд и тот прокурор, которые не побоятся открыть уголовное дело за разжигание межнациональной розни? И найдутся ли те же евреи в России, в Израиле или в США, которые скажут участникам передачи: не играйте с огнем, ребята. Ибо каждому русскому, смотревшему эту передачу, неизбежно пришла в голову мысль: а может, это еврейский фашизм — страшнее немецкого? Немецкий-то был виден со стороны, с ним открыто воевали. И победили. Неужели — для того, чтобы спустя 50 лет в центре Москвы вся страна слушала треп о зверствах "русского фашизма", который "страшнее немецкого"?

Уверен, если не будут приняты официальные меры и эта передача не будет признана ошибочной на самом высоком уровне, любой мало-мальски думающий русский с подозрением будет смотреть на своего президента и окружающую его челядь. Эта передача ведь, кроме всего прочего, имеет мощную антипутинскую направленность, бьет по авторитету президента.

А может, ее готовили сверхтайные

М. КОВРОВ

РУССКИЙ КАНОН

РУССКИЙ КАНОН ОТКРЫТ ВИРДЖИНИЕЙ ВУЛФ в начале прошлого века. Сравнивая русские и английские тексты, она установила их принадлежность разным цивилизациям. Внешне это выглядело как смещение акцентов, одних интересует это, других — то. Результат её сравнительного анализа канонов: "Западная цивилизация воспитала в нас скорее инстинкт наслаждения и борьбы, чем сочувствия и понимания".

"Нет ничего более старого и избитого, чем наслаждение",— читает Вирджиния Вулф в девятой главе трактата Толстого об искусстве: один герой поцеловал даму в ладонь, другой в локоть, а третий ещё куда-нибудь. Толстой иронизирует над русским писателем Гончаровым, видевшим здесь бесконечное содержание. "Отчего плохая жизнь у людей друг с другом?— рассуждает героиня романа Андрея Платонова "Счастливая Москва".— Оттого, что любовью соединиться нельзя, я столько раз соединялась, всё равно — никак, только одно наслаждение какое-то".

Трактат Толстого, завершивший формирование Русского Канона, впервые напечатан именно в Англии. Одновременно трактат вышел и в России, но цензура вычеркнула в нём всё то, что ей показалось неправильным, и заменила, где нужно, мысли Толстого своими, иногда — противоположными. "В результате оказалось, — пишет Толстой в предисловии к английскому изданию, — что я поставил своё имя под сочинением, из которого можно заключить, что я считаю писания евреев, соединённые в Библии, священными книгами и главное значение Христа вижу в его искуплении своей смертью рода человеческого". Естественно, его отлучили от церкви.

Своим рождением новый канон в значительной степени также обязан туманному Альбиону, но больше небольшой тучке, неизвестно откуда взявшейся в солнечном июльском небе 1823 года по выходе парусника из Каттегата в Северное море.

Не успел Пётр Яковлевич Чаадаев, стоявший на палубе парусника, направлявшегося в Англию, рассмотреть тучку, как один борт уже был под водою, паруса разлетелись, а мачты с треском повалились в море. Корабль как будто ударило плетью. Семнадцать дней их носило около норвежских и английских берегов. "Я почитаю великой милостию Бога, что он мне дал прожить с лишком полмесяца с беспрестанною гибелью перед глазами",— писал он брату, достигнув Англии.— На Бородинском поле было легче: враг и твёрдая земля под ногами. "Поверишь ли, мой друг, в минуты бури самые ужасные мысль о вашем горе, если погибну, всего более меня ужасала!" Спустя более ста лет этот текст повторён в платоновском "Чевенгуре": "Себя никогда не жалко, только вспомнишь, как умрёшь и над тобой заплачут, то жалко будет плачущих одних оставлять". Всё уместилось в один век. Платонов, последний классик Русского Канона и его вершина, ухитрился родиться в том же XIX веке.

Канон — это тексты. Тексты, которые объявлены каноническими (тавтология неизбежна). Некоторые из них священны, в них нет ничего случайного. Не обязательно, чтобы они были творениями Бога. Например, Коран, который — атрибут Бога, как Его милосердие или Его гнев. И всё же аксиометика канона заключена не в формулировке, она — в наборе имён; иногда — в одном имени, например, Конфуций.

Канон несводим к формуле, даже если это "Аллах Акбар!". В тексте мысль скорее скрыта, чем выражена; то же и в словах. В третьей части своей "Записки от учёных к учёным, духовным и светским, к верующим и неверующим" Николай Фёдоров пишет, что в слове "цивилизация" скрыто новоязычество, "исламизм" — новоиудейство (осуществление идеала царя-завоевателя, мессии).

В Русском Каноне определяющим является личность автора. "Всё дело в сердцевине человека, — говорит Иван Киреевский,— если она хороша, она должна родить благое; если дурна, то неизбежно будет ложь в целом, а доброе в частях". Пушкин о Чаадаеве, дневник 1821 года: "Твоя дружба заменила мне счастье, одного тебя может любить холодная душа моя". Чехов — М.О.Меньшикову, о Толстом: "Я ни одного человека не люблю так, как его" (1900). Аристотель или Конфуций никак не могут оказаться в Русском Каноне; оба думали, что люди родятся — одни, чтобы быть свободными, другие — чтобы носить оковы. Ложь в целом.

О Киреевском говорили: он весь был душа и любовь; но меняются веры и знания, и Платонов говорит: любви — недостаточно.

После ареста сына он пишет рассказ "По небу полуночи". Герой рассказа, лейтенант Эрих Зуммер, чтобы доказать свой ум и оригинальность, сказал своей невесте Кларе о русских и китайцах, что они теперь самые лучшие, самые одухотворённые люди на земле.

Клара проницательно посмотрела на него и ответила, что офицеру с такими мыслями неуместно служить в германской армии и она позаботится об этом. "И вам будет безопасней, и мне спокойней",— улыбнулась Клара.

Он понял, что Клара сообщит о нём в тайную полицию, и ждал ареста; ведь ей не от кого было научиться поступать иначе, "а он не успел её ничему научить, потому что только любил её и считал это достаточным".

герой по фамилии Астров.

"Заключения русского ума,— пишет Вирджиния Вулф,— неизбежно имеют привкус исключительной грусти". "Я люблю. Но я знаю — чего хочу, то невозможно тут, и сердце моё не выдержит. Ты знаешь, как тяжело мне сейчас?"— говорит платоновский герой ("Невозможное"). "Потом он лёг на пол, положил голову на дрова и умер".

В "Доме с мезонином" (1896) чеховский герой говорит: "Проходят сотни лет, а миллиарды людей живут хуже животных, только ради куска хлеба; голод, холод, животный страх, тяжкий, невыносимый труд, "точно снеговые обвалы", — вот настоящие причины болезней; если бы мы сообща, миром искали бы правды и смысла жизни, правда была бы открыта очень скоро ("я уверен в этом"), и человек избавился бы не только от болезней, но и от самой смерти. Кажется, что прототип — Писарев; или Фёдоров.

Во время написания "Дома" Чехов общается с Львом Николаевичем ("разговоры наши были легки"). Толстой пишет сыну: "Чехов был у нас, и он понравился мне. Он очень даровит, и сердце у него, должно быть, доброе, но до сих пор нет у него своей определённой точки зрения". Толстой познакомился с Фёдоровым в 1881 году, и тот ему сказал, что смерть — результат несамостоятельной, несамобытной жизни. "Записка" Фёдорова в первую очередь адресована верующим, его тексты кажутся им, не без основания, — еретическими.

Ещё Чаадаев разъяснял Мери Бравура, что проповедь, переданная в Писании, была обращена к присутствующим. При записи пропали интонации; потребовались переводы, толкования, они менялись, принимая местную и современную окраску.

Христианские теологи первых столетий использовали выражения и формулировки, которые в V веке были осуждены как еретические. Они верили в конец света, который должен наступить при их жизни; вера оказалась ошибочной, и учение приспособилось к изменившимся обстоятельствам. С распространением христианства, по мере расширения его во времени и пространстве, оно терпело потери в достоинстве. В Англии, например, официальная религия устанавливается законами, принимаемыми парламентом; после соответствующего постановления вера в ад перестала считаться обязательной.

Постепенно религии отделили себя от нравственности, допуская спасения в отдельности, врозь ("Записка", ч. III). Фёдоров утверждает, что православие есть долг воскреше-

рецеми. "Непонимание" Пушкина Писаревым оказалось более плодотворным, чем понимание пушкинистов, и нашло своё окончательное разрешение в формуле Платонова: поэзия Пушкина объединила разные нужды человеческой души.

Писарев: "Голод и холод! Этими двумя простыми причинами объясняются все действительные страдания человечества, вся тревога и его исторической жизни, все преступления отдельных лиц, вся безнравственность общественных отношений". То есть источник зла — не в общественном устройстве, не в природе человека, а вообще в природе. Фёдоров дополняет: в ней господствуют законы случайного блуждания, ведущие к вырождению и вымиранию, они и есть главный источник зла.

Наше солнце медленно, но меркнет. Звёзды, внезапно или медленно, угасают. Истощение земли, истребление лесов, извращение метеорологического процесса, проявляющееся в наводнениях и засухах — грозные свидетельства. "Но кроме своего медленно, постепенно наступающего конца мы не можем быть уверенными, что землю, эту песчинку вселенной, не постигнет какая-либо внезапная катастрофа. А между тем земля, быть может, единственная носительница спасания мира, а прочие миллионы миров — только неудачные попытки природы" ("Записка", ч.II). Самое большое чудо — что мы ещё живы. Но где-то далеко есть тайное место. Там сидит невежда и старосветский помещик, пьёт чай из самовара. Читает вслух: "Граф Виктор положил руку на преданное храброе сердце и сказал: "Я люблю тебя, дорогая!" Наша Вселенная — пылинка на его пятке.

Когда он допьёт третью чашку и встанет — наступит конец света.

Если разгадать структуру его души, можно пытаться влиять на ход истории. Четвёртая чашка продлила бы жизнь Вселенной на несколько миллионов лет. Уже установлено, что чай — с малиновым вареньем. На чашке нарисован цветок. Если бы не туман, можно было бы разглядать другие детали. "Наше положение безнадёжно",— говорит чеховский

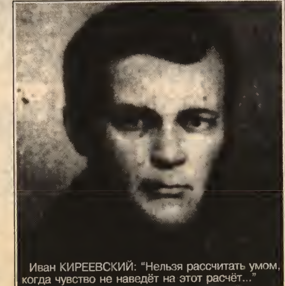
Захватив Индию, англичане уничтожили систему орошения земель, вызвав голод, эпидемии и — вечный, как они надеялись, контроль над страной. Сейчас метод установления себестоимости основных видов сырья — бомбометания. Ускользающие от контроля отклонения от назначенных цен и называют рынком. Сначала внедряется методика установления себестоимости, а потом учёные формулируют закон стоимости, независимый от нашего сознания. Задача экономической науки заключается в том, чтобы доказывать, что, кроме грабежа, есть что-то ещё, в конце концов — есть же Данте, Гёте! Однако факты таковы: удовлетворение потребностей населения планеты на уровне "культурных стран" истощило бы земные ресурсы за несколько лет. "И это нисколько не смущает Фауста",— замечает Фёдоров.

Если же говорить о технике, то её влияние отрицательно из-за её направленности на интенсификацию уничтожения природных ресурсов, а также атрофирование органов чувств человека (на конвейере, у эскалатора, ученика в школе); по сравнению, скажем, с рабовладельческими временами.

Конфликты между наукой и религией, верующими, неверующими и инаковерующими не заслуживают того внимания, которое им уделяется. Уже Чаадаев знает, что революции — естественная кара за содеянные грехи. Что же касается Чехова, свой оптимизм он, по обыкновению, скрыл в фразе: "Воздух тих, прозрачен и свеж", — черпают и черпают поколения школьников младших классов, читая по складам его рассказ "Ванька".

Миром правит чувство. Платонов отчётливо помнит время, когда ум скучал и плакал по вечерам при керосиновой лампе; молодая женщина, забытая теперь без звука, преданная, верная, обнимала дерево от своей тоски. Она — Ксения Иннокентьевна Смирнова, её больше нет и не будет. "Умершие будут воскрешены, как прекрасные, но безмолвные растения-цветы. А нужно, чтобы они воскресли в точности, — конкретно, как были" (записная книжка Платонова, Воронеж, действующая армия, 1943 г.).

Чуть ниже: "Бог есть умерший человек". Платонов, следуя

Иван КИРЕЕВСКИЙ: "Нельзя рассчитать умом, когда чувство не наведёт на этот расчёт..."

Фёдорову, восстанавливает интонации, утерянные в трактовках. Смысл жизни — решение задачи воскрешения — продиктован чувством и не нуждается ни в разъяснениях, ни в толкованиях. Жизнь, её цели — они среди дворов и людей, потому что дальше ничего нет. Смысл не может быть далёким и непонятным — он должен быть тут же. А все эти измы (за редкими исключениями, например, буддизм) — они направлены против кого-то. В Русском Каноне — "на него смотрели два ясных глаза, не угрожая ему ничем" ("Счастливая Москва").

Неизвестно, является ли тайна бессмертия более недоступной, чем тайна тяготения. "Нравственную же невозможность бессмертия без воскрешения необходимо доказывать только Западу" ("Записка", ч. IV). Буддизм же не вера, а путь к личному спасению. Надежда уничтожить зло отречением

Возможно ли, чтобы международная вражда прекратилась из-за этого признания? Идеи, пережившие своё время, не увлекают всего человека или увлекают только неполных людей. "Отступления от нравственности сделали Библию всего лишь книгою, Евангелие — программой объединения, которая не может быть приведена в исполнение" ("Записка", ч. IV).

Верность нравственности есть верность тому, как это должно быть ("Записка", ч.I), и эти представления — меняются.

В первую очередь это коснулось домашней нравственности: "Нет и не может быть богатства праведного", — чувство чеховской героини является прямым следствием принципов несвободы; "Как бы ничтожна и виновата ни была женщина, ты не имеешь права быть в её присутствии пьяным", — наставляет Чехов своего старшего (!) брата; степень сочувствия Платонова "другому человеку" такова, при которой никакое диссидентство невозможно. Счастье же заключается в том, что ты родился.

В шестнадцатой главе трактата Толстой пишет, что религиозное сознание (понимание смысла жизни, высшего блага, к которому стремится общество) всегда ясно выражено некоторыми людьми этого общества и более или менее чувствуемо всеми. Если нам кажется, что в обществе нет религиозного сознания, то это оттого, что мы не хотим видеть его.

" В каждом великом русском писателе мы различаем черты святого" — пишет Вирджиния Вулф. Платонов не соглашается с ней: "святость есть утрата жизни, утрата и божественного". Он дополняет мысль, Достоевского из "Дневника писателя" ("мы не станем и отстаивать таких святынь, в которые перестали верить сами... ни одна святыня наша не побоится свободного исследования"): "слишком большое количество неприкосновенных святынь сковывает жизнь". Это дополнение стало известно нам из донесения оперативного сотрудника НКВД от 23.12.1936.

Авторы Канона в основном — "непрофессионалы": боевые офицеры Чаадаев и Толстой, провинциальный учитель Фёдоров, врач Чехов, купец Станиславский, домашняя хозяйка Марина Цветаева, родившая трёх детей, паровозный машинист Платонов. Они — участники. Платонов говорил: "Чувства рождаются не из наблюдения и изучения, а из участия". Наблюдающие и изучающие чаще всего оказываются вне Канона.

Цветаева пишет, что у Бунина "никакого, вчистую" влияния ни в России, ни за границей не было ("я его не люблю: холодный, жестокий, самонадеянный барин"). О. Л. Книппер — Чехову, о Бунине: "И мило, и поэтично, и звучно, а как начнёшь разучивать, разбираться — пусто". То, что составляет наслаждение для писателя Набокова, непонятно как наслаждение для большинства и вызывает недоумение или презрение. "Лолита" позволила ему жить в гостинице, для воспитания вышколенных слуг потребовалось бы слишком много времени. Цветаева о Мандельштаме (1926): "Не-революционер до 1917 г., революционер с 1917 г. — история обывателя, негромкая, нелюбопытная. За что здесь судить? За то, что Мандельштам не имел мужества признаться в своей политической обывательщине до 1917 г., за то, что сделал себя героем и пророком — назад, за то, что подтасовал свои тогдашние чувства, за то, что оплевал то, что — по-своему, по-обывательскому, но всё же — любил... Шум времени Мандельштама — оглядка, ослышка труса. Правильность фактов и подтасовка чувств".

В год столетия Платонова большинство толстых литературных журналов ("Новый мир", "Знамя" и т. п.) не напечатали ни одной строчки о Платонове. Литераторы обнаружили, что коммунизм Платонова не имеет ничего общего с коммунизмом, который они прославляли или обличали.

Именно литераторы заставили Цветаеву написать заявление с просьбой о предоставлении ей места посудомойки в писательской столовой, обещая рассмотреть его на своих заседаниях. Именно они, а не мифическая советская власть, не печатали её текстов ни здесь, ни за границей. Именно Литературный институт, а не мифическая советская власть, захватил квартиру, в которой жил и умер Платонов, и организовал там пункт обмена валюты. "Платонов мне не близок",— говорит зав. кафедрой критики. Год столетия Платонова завершился пикетом Литературного института с требованием его закрытия.

Но вернёмся к началу XIX века, в детство Чаадаева.

В Щербатовском семействе, у дяди, играют представление по случаю тильзитского мира. Чаадаев исчез; его отыскали в поле, во ржи. Он, плача, объявил, что не вернётся. Не хочет присутствия при праздновании события, которое есть пятно для России и унижение для государства. Тогда же ходила по рукам немецкая реляция об аспернском сражении и было приказано отобрать её повсеместно. Когда к братьям Чаадаевым приезжал за нею сам полицмейстер, тринадцатилетний Пётр Яковлевич, отдавая реляцию, поставил ему на вид, что недостойно раболепствовать Наполеону и скрывать его неудачи. Выходит, истоки Русского Канона теряются в предыдущих веках.

"Хочу изменить исторический курс своего рода-племени", — говорит у Платонова Демьян Фомич, мастер кожаного ходового устройства; предки которого — сплошные сапожники

...страшнее немецкого? Немецкий-то был виден со стороны, с ним открыто воевали. И победили. Неужели — для того, чтобы спустя 50 лет в центре Москвы вся страна слушала треп о зверствах "русского фашизма", который "страшнее немецкого"?

Уверен, если не будут приняты официальные меры и эта передача не будет признана ошибочной на самом высоком уровне, любой мало-мальски думающий русский с подозрением будет смотреть на своего президента и окружающую его челядь. Эта передача ведь, кроме всего прочего, имеет мощную антипутинскую направленность, бьет по авторитету президента.

А может, ее готовили сверхтайные патриоты, которым надо хоть таким жутким способом, но всколыхнуть русское самосознание? Из какого-нибудь русского ордена ГРУ? А Немцов и Швыдкой — лишь наша "пятая колонна", засланная в ряды врагов? Но что делать простому бедному еврею, смотрящему эту передачу? Это же прямой немцовско-швыдковский посыл: чемодан, вокзал, Израиль. Надо очень не уважать свой, еврейский народ, чтобы так издеваться над его чувствами. Загонять его в атмосферу тотального страха. Живет бедный Абрам или Семен где-нибудь в Орше или Челябинске. Более-менее устроился. Торговлишку мелкую ведет или еще что-нибудь, а ему из Москвы сам министр говорит, что русский фашизм страшнее немецкого. Этот Абрам никогда в жизни, кроме как в кино, никаких фашистов не видел, пользуется уважением в народе. И в баньку русскую ходит, иногда выпить не дурак, совсем, как герой личутинского романа "Миледи Ротман", сидит как раз со своими русскими друзьями во время этой передачи, вместе смотрят. Ему на них и оглянуться неудобно: то ли они — тайные фашисты, то ли министры совсем с ума спятили. Рюмочкой, может, и залили, сняли это напряжение, а подозрение взаимное осталось. Если Швыдкой и Немцов так не любят русских, зачем же им бить по евреям? А если русскому мужику сто раз на дню твердят, что он — фашист, он же, наивный и простодушный, может и поверить! Не страшно вам, господа провокаторы?

...обе думали, что люди родятся — одни, чтобы быть свободными, другие — чтобы носить оковы. Ложь в целом.

О Киреевском говорили: он весь был душа и любовь; но меняются веры и знания, и Платонов говорит: любви — недостаточно.

После ареста сына он пишет рассказ "По небу полуночи". Герой рассказа, лейтенант Эрих Зуммер, чтобы доказать свой ум и оригинальность, сказал своей невесте Кларе о русских и китайцах, что они теперь самые лучшие, самые одухотворённые люди на земле.

Клара проницательно посмотрела на него и ответила, что офицеру с такими мыслями неуместно служить в германской армии и она позаботится об этом. "И вам будет безопасней, и мне спокойней",— улыбнулась Клара.

Он понял, что Клара сообщит о нём в тайную полицию, и ждал ареста; ведь ей не от кого было научиться поступать иначе, "а он не успел её ничему научить, потому что только любил её и считал это достаточным".

Но арестован он не был. Неверно, потому, что там был непорядок и руки не дошли до него или схватили кого-нибудь другого вместо него. Платонов винит себя в том, что он ничему сына не научил. Потому что только любил его.

В четвёртой части своей "Записки" Фёдоров пишет: "Ничтожная тля, жучок, муха могут положить конец жизни человечества". Тем более хрупко такое сооружение, как канон, да ещё обязанный небольшой тучке, неизвестно откуда взявшейся. Без Чаадаева не было бы Чацкого, Онегина, Акакия Акакиевича. Да и самого Фёдорова. Именно Чаадаев сформулировал задачу: раскрыть не то, что содержится в философии, а скорее — чего в ней нет. Настаивал, что фактов давно уже больше, чем нужно для её решения.

У Фёдорова были и другие предшественники: Писарев, Белинский. Последний впервые применил к искусству и литературе формулу долженствования. В ней в скрытой форме ставится под сомнение существование категории законов, независимых от нашего сознения. Усомнившись в "законе борьбы" ("нет вражды вечной, устранение же вражды временной составляет нашу задачу"). Фёдоров распространяет формулу долженствования за пределы литературы и искусства.

Писарев относил к искусству театр, музыку, псовую охоту, слоёные пирожки и очищенную водку. Восхищался старухой, превращающей себя перед зеркалом в художественное произведение. Осуждал в Пушкине нейтрализм, "золотую середину" всеобщего примирения, видел в этом "ребяческое равнодушие к людям". В письме к Суворину (1892) Чехов называет суждения Писарева об искусстве и Пушкине омерзительными.

У Фёдорова писаревская терминология: мир находится в состоянии несовершеннолетия, "подавляемые ребяческим страхом, мы даже не задаём себе вопроса: что можем сделать мы в совокупности, хотя, взятые в одиночку, мы действительно бессильны". Писарев был той "хрустальной коробочкой" (так его звали в детстве), из которой тянутся прямые нити к Толстому и Фёдорову.

На открытии памятника Пушкину в Москве сенсацией была не речь Достоевского, а отсутствие Толстого. Он не понимал торжества. Пушкин был не богатырь, не полководец, не святой. Человек более чем лёгких нравов, умерший на дуэли при покушении на жизнь другого человека. "Примиренчество" в искусстве, осуждаемое Писаревым, вырождается в избыточность описаний времени и места — именно в этом суть претензий Толстого к Пушкину, Гоголю, к своей прозе.

Она любит молодого прекрасного француза; тот, конечно, ничтожество, но ведь это почти всегда так; но в момент любви — на какой-то миг — равный ей, и — достойный; но она говорит: "...я буду век ему верна".

Пушкин вставил в "Онегине" строчки Чаадаева: "Уж я с другим обручена! Уж я другому отдана!" из его поэмы "Рыбаки" (слова Екатерины Александровны Щербатовой, "прекрасной кузины", обручённой к Чаадаеву) — ребяческая шутка, а вот ведь как обернулось. Платонов пишет: "Пушкин считал, что краткая, обычная человеческая жизнь вполне достаточна для свершения всех мыслимых дел, для полного наслаждения всеми страстями".

Одновременно возвращая "наслаждение" в Русский Канон; аскетизм — неполнота жизни. Дуэль была самоубийством, ему не нужна такая верность.

Непонимание Толстым Пушкина, Чеховым Писарева объяснено Фёдоровым: люди в отдельности не могут быть муд-

Ещё Чаадаев разъяснил Марии Бравура, что пророчество, переданное в Писании, было обращено к присутствующим. При записи пропали интонации; потребовались переводы, толкования, они менялись, принимая местную и современную окраску.

Христианские теологи первых столетий использовали выражения и формулировки, которые в V веке были осуждены как еретические. Они верили в конец света, который должен наступить при их жизни; вера оказалась ошибочной, и учение приспособилось к изменившимся обстоятельствам. С распространением христианства по мере расширения его во времени и пространстве, оно терпело потери в достоинстве. В Англии, например, официальная религия устанавливается законами, принимаемыми парламентом; после соответствующего постановления вера в ад перестала считаться обязательной.

Постепенно религии отделили себя от нравственности, допуская спасение в отдельности, врознь ("Записка", ч. III). Фёдоров утверждает, что православие есть долг воскрешения, временно забытый.

Религии — акты творчества, всегда — искусство (то есть передача чувств). Платонов: "Иисус был сирота. Искал отца. Иосиф — муж Марии, старик — не является отцом Иисуса и, вероятно, упрекал Марию. Тогда впечатлительный Иисус и взял себе в родители отца общего. Так, возможно, из неисключительного случая, из обыденного детского горя всё и пошло".

В упомянутом письме Меньшикову Чехов пишет, что у Толстого перо ухватистое, он читал "Воскресение" "с замиранием духа — так хорошо!", но конец неубедителен: "писать, писать, а потом взять и свалить всё на текст из евангелия... Почему текст из евангелия, а не из корана?" (евангелие и коран — с маленькой буквы). Природный оптимист, он верил, что наука найдёт способы решения подобных вопросов в ближайшие десять тысяч лет.

Но упование на науку вряд ли оправданно, мистицизм лежит в самом её основании. Согласно основному закону физики, мир держится "мистическою силою тяготения", "человеку же остаётся только удивляться, поклоняться и воспевать оды этому космосу" ("Записка", ч. III). Ньютон и другие — они и не пытались объяснить гравитацию. Закон всемирного тяготения — не более чем временная схема, потому что природа тяготения неизвестна, миры эти доступны мысли, но пока недоступны нашим чувствам.

Галилей говорил: Земля движется, а Солнце неподвижно; инквизиция утверждала, что Земля неподвижна, а солнце движется, эти истины представлялись несовместимыми.

Сейчас мы знаем, что Галилей был не более прав, чем инквизиция.

Все люди по необходимости верующие. Одни верят в то, что Бог есть, другие — что нет. Платонов: "Бог есть и бога нет. То и другое верно... вот весь атеизм и вся религия". Даже закон сохранения энергии в физике — лишь вопрос веры, все коэффициенты в уравнениях определяют из экспериментов в предположении, что закон верен, — из удобства. Если же возникают проблемы, то считается, что энергия перешла в другой вид, из механической — в тепловую, и т. п.

Окажись закон неверным, то необходимые поправки уже учтены в многочисленных коэффициентах, и мы можем пользоваться уравнениями, строить мосты и самолёты, создавать вычислительные машины и атомные бомбы, не озабочиваясь законом. Платонов: "Наука занимается лишь систематизацией экспериментальных данных, формальными отношениями, поверхностью вещей и явлений"; "все научные теории, атомы, ионы, электроны, гипотезы, — всякие законы — вовсе не реальные вещи, а отношения человеческого организма ко вселенной в момент познающей деятельности",— пишет он своей невесте, командированной в деревню Волошино для ликвидации неграмотности.

В политэкономии та же картина. Изучаются "законы" рынка. Фёдоров иначе определяет "цивилизацию": оригинальная черта Запада состоит в том, что он признаёт только насилие, а всё прочее считает предрассудками ("Записка", ч.III). То есть никакого рынка и быть не может. Захват земель, объявление их своей собственностью, сдача их в аренду, так, чтобы арендная плата обеспечивала их охрану и юридическую защиту, а также максимум наслаждений — такова устройство Запада. Поэтому: "право и собственники — две вещи, которые я презираю" (М.И.Цветаева). Это — не поэзия, а — мировоззрение.

Иван КИРЕЕВСКИЙ: "Нельзя рассчитать умом, когда чувство не наведёт на этот расчёт..."

Фёдорову, восстанавливает интонации, утерянные в трактовках. Смысл жизни — решение задачи воскрешения — продиктован чувством и не нуждается ни в разъяснениях, ни в толкованиях. Жизнь, её цели — они среди дворов и людей, потому что дальше ничего нет. Смысл не может быть далёким и непонятным — он должен быть тут же. А все эти измы (за редкими исключениями, например, буддизм) — они направлены против кого-то. В Русском Каноне — "на него смотрели два ясных глаза, не угрожая ему ничем" ("Счастливая Москва").

Неизвестно, является ли тайна бессмертия более недоступной, чем тайна тяготения. "Нравственную же невозможность бессмертия без воскрешения необходимо доказывать только Западу" ("Записка", ч. IV). Буддизм же не вера, а путь к личному спасению. Надежда уничтожить зло отречением от любви и привязанности. Не дело, а сомнение, бездействие.

Однажды к Будде пришла женщина. Вся в слезах, в полном отчаянии она говорит, что ребёнок её умер, и просит помощи. Будда посылает женщину разыскать двенадцать домов, в которых никто никогда не умирал, и принести из каждого дома по куску хлеба. Женщина пошла разыскивать такие дома, и возвратилась в ещё большем отчаянье. Она не нашла домов, в которых никто никогда не умирал. Будда сказал, что она требует невозможного, что все умирают, её ребёнка постигло лишь то, что составляет удел всех и каждого, и Будда осудил женщину за неумеренность её требования. В примечании 12 к третьей части "Записки" Фёдоров, приводя этот случай из жизнеописаний Будды, говорит о несостоятельности Будды. Невероятность проекта его не смущает: оценка возможностей результатов деятельности всех людей, направленных к одной цели, неподвластна отдельному разуму; это — оптимальная стратегия по снижению разрушительных тенденций: межнациональной, религиозной, классовой, сословной напряжённостей, пронизанных "законом борьбы". Необходимое единство пока не достигается из-за неполноты органов.

То, что до сих пор придумано людьми для обеспечения своего существования (семья, государство), является различными формами взаимного страхования. Но так как природа не принимала при этом никакого обязательства, такое страхование нельзя считать действительным.

Изучение условий, при которых случайное блуждание становится неслучайным и — сознательным, в любом случае должно начинаться с уничтожения голода, решения сельскохозяйственного вопроса (сбор "верного" урожая, — который бы гарантировал неухудшение свойств почвы).

Теперь, когда "акценты" расставлены, понятно, что проект не предполагает суеты. Истина о самом себе, всегда сопровождающаяся истерией личного спасения и бессмертия, Платонова не интересует; "ведь если жить правильно — по духу, по сердцу, подвигом, жертвой, долгом, — то не появится никаких вопросов, не появится желание бессмертия и т. п. — все эти вещи являются от нечистой совести".

Не для себя. Не для других. А со всеми и для всех. Сердце Канона — несвобода человека. Марина Цветаева: "Прочла у Афанасьева сказку "Упырь" и задумалась... Когда мне говорят: сделай то-то и ты свободна, и я того-то не делаю, значит, я не очень хочу свободы. Значит, мне несвобода дороже... Маруся упыря любила". Платонов выводит формулу несвободы: "Нельзя предпринимать ничего без предварительного утверждения своего намерения в другом человеке. Другой человек незаметно для него разрешает ему или нет новый поступок". Вот мы и живём теперь в этой ясности. Воздух тих, прозрачен и свеж.

Формально принцип несвободы включает в себя известные ветхозаветные заповеди, с четвёртой по десятую, но он более широк: в Русском Каноне "другой человек" — это и все умершие; и неродившиеся. Но многое исключает. "В периодическом прощении грехов на исповеди вижу вредный обман, поощряющий безнравственность", — комментирует Толстой постановление Синода о его отлучении от церкви.

Формула Платонова упраздняет первые три заповеди (они запрещают других богов, кроме Саваофа), как сеющие вражду. Да и вообще в признании единого Бога нет примирения, — лишь игнорирование различий, причин раздоров.

Платонова завершился пикетом Литературного института с требованием его закрытия.

Но вернёмся к началу XIX века, в детство Чаадаева.

В Щербатовском семействе, у дяди, играют представление по случаю тильзитского мира. Чаадаев исчез; его отыскали в поле, во ржи. Он, плача, объявил, что не вернётся. Не хочет присутствия при праздновании события, которое есть пятно для России и унижение для государства. Тогда же ходила по рукам немецкая реляция об аспернском сражении и было приказано отобрать её повсеместно. Когда к братьям Чаадаевым приезжал за нею сам полицмейстер; тринадцатилетний Пётр Яковлевич, отдавая реляцию, поставил ему на вид, что недостойно раболепствовать Наполеону и скрывать его неудачи. Выходит, истоки Русского Канона теряются в предыдущих веках.

"Хочу изменить исторический курс своего рода-племени", — говорит у Платонова Демьян Фомич, мастер кожаного ходового устройства; предки которого — сплошные сапожники — четыреста лет наращивали стаж и квалификацию. Один из них, Никанор Тесьма, шил сафьяновые полусапожки Иоанну Грозному; другой дожил жизнь в Москве, перейдя стариком на валенки. В 1812 году, во время нашествия Наполеона и народов Европы, жил дед Демьяна Фомича по прозвищу Серёга Шов, великий мастер и изобретатель пеших скороходов, сподвижник Барклая-де-Толли. Один отступал, другой шил сапоги впрок, чтобы было в чём наступать в своё время. В этом роду скопилось столько мозговой энергии, что она неминуемо должна была взорваться.

— Уйду с обужи на другое занятие, будочником на Уральскую железную дорогу, буду жить в степи. Хочу написать сочинение — самое умное — для правильного вождения жизни человека. И чтобы это сочинение было, как броня человеку; а сейчас он нагой. В будке будет тихо, кругом сухие степи, делов особых не будет.

Это будет крик мудреца, молчавшего 400 или 500 лет. Его мысль будет необыкновенной и праведной — столько лет скапливался и сгущался опыт и мозг стольких людей!

Во второй части "Записки" Фёдоров подробно перечисляет задатки (их десять), вследствие которых проект возник именно в России. Один из них — географическое положение и природные условия: "Глушь, окаймлённая полуостровами и островами, бойкими местами, из которых бойчее всех Англия". На что обратил внимание ещё Чаадаев: "Разительная вещь — беспрестанное скаканье этого народа! В некоторых улицах Лондона не надивишься! Изо всякого трактира ежечасно по нескольку десятков карет всех возможных видов отправляется во все части государства и в окрестности столицы — одна другой лучше и забавнее".

Указание на климат подчёркивает элемент неслучайности. "Россия — народ по преимуществу земледельческий и, следовательно, по преимуществу мирный, — пишет Фёдоров, — из серого неба мы не могли сделать себе идола". В этих просторах человек теряется, он — раб природы, жалкий обитатель ничтожнейшей по величине земли. Природа как бы закаляет человека. Чехов удивлялся выносливости помещиков: однообразие сугробов и голых деревьев, длинные ночи, гробовая тишина днём и ночью. Чехов — Суворину: "Сегодня я гулял в поле, по снегу, кругом не было ни души, и мне казалось, что я гуляю по луне".

"Если бы поход Наполеона был удачен, дело отеческое погибло бы и судьба земной планеты была бы иной",— пишет Фёдоров. Потом его защищали в сорок первом. "Помни — смерти нет, если мы отстоим нашу родину, где живёт истина и разум всего человечества". (Платонов, "Оборона Семидворья").

Газета «ЗАВТРА» зарегистрирована в Министерстве печати и информации РФ 5 ноября 1993 года
Регистрационный № 012154
Учредитель – А. А. ХУДОРОЖКОВ

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13. Тел. редакции: 247-13-37.
E-mail: **zavtra@zavtra.ru** ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ: **http://zavtra.ru/**
Служба распространения: 245-96-26 (тел/факс).
Газета отпечатана в ЗАО Красногорская типография, г. Красногорск, Коммунальный квартал, 2. Общий тираж 100 000

Главный редактор Александр ПРОХАНОВ

По вопросам размещения рекламы в "Завтра" обращаться по тел.: (095)245-96-26

Отпечатано в типографии ФГУИПП «Советская Сибирь». г. Новосибирск, ул. Н.-Данченко, 104

Подписано в печать 01.10.2002 г. Заказ № 2549